

СТОЛПНИКИ и ОТШЕЛЬНИКИ

Столпники и отшельники

Зерна
Рязань, 2009

По благословению
Преосвященного Лонгина,
епископа Саратовского и Вольского

Столпничество и отшельничество суть такие чрезвычайные подвиги, на которые из древних святых обрекали себя немногие, притом по особенному призванию Божию. Повествования о сих подвижниках заключают в себе много поучительного и наставительного, они убеждают нынешних христиан, что достигнуть спасения можно только узким путем веры, любви и самоотвержения.

Печатается по изданию 1903 года. Цензор протоиерей Григорий Дьяченко.

Столпники и отшельники. — Рязань: Лоза, 2009. — 208 с.

Книга-почтой: www.zyoma.ru

Макет. Издательство «Лоза», 2009
Иллюстрации. Издательство «Зёрна», 2009

Вместо предисловия

Название столпников в Церкви христианской дано немногим пустынножителям, подвижавшимся на столпах. Столпы эти устроились из диких камней, иногда самими же столпниками, и были различной высоты. На их вершинах, имевших не более двух локтей в диаметре, ставились перила или хижинки, большей частью открытые, которые предохраняли подвижников от падения и служили для них опорой во время их крайнего изнеможения. Проводя дни и ночи в покаянии, созерцании и славословии, столпники с удивительным мужеством переносили все лишения со стороны природы. Мочимые дождем, жегомые зноем, томимые стужей, иногда под тяжкими веригами, они, как бы пригвожденные, стояли неподвижно на столпах. Это были «самоизвольные мученики», которые несли крест Христов, но, лучше, висели на нем в продолжение многих лет, умирая каждый день.

Несправедливо или, по крайней мере, без основания некоторые говорят, будто бы этот род подвижничества известен был еще во II веке. В истории первых четырех веков не встречается и названия столпника. Феодорит, первый из писателей, повествует о Симеоне, сирийском пустынножителе, жившем в V веке. Новые и необычайные подвиги Симеона возбудили к нему во всех величайшее удивление и произвели подражателей. Первый подражатель жизни Симеона был ученик его Даниил Столпник. Евагрий, как современник и очевидец, упоминает о двух других столпниках, о Симеоне младшем (Дивногорце) и его наставнике. Появлялись, хотя редко, столпники и после, до XII столетия таковы были Алипий Ддрианополюский, живший при Ираклии, Лука Новый — в царствование Константина Багрянородного, и Никита Переславльский, просиявший подвигами на столпе в XII веке. Но, вообще, столпническая жизнь составляет редкое явление в Церкви христианской.

Столпники, убажжаемые и почитаемые нашею православною Церковью, в новейшее время на Западе сделались предметом осмеяния. Некоторые католики, протестанты и все, имевшие случай писать о столпниках, изливают на них желчь из-под пера, называют образ жизни их недостойным человека-христианина и объясняют его то гордостью, то фанатизмом.

Итак, столпническая жизнь по своей необычайности и редкости, так и по упрекам и нападениям, каким она подвергается в новейшее время на Западе, невольно обращает на себя внимание того, кто принимает участие в делах Церкви Христовой и для кого дорого всякое, а тем более необычайное явление, в ней происходящее.

Что заставляло пустынников отступать от обыкновенной жизни подвижнической и предпринимать новый, чрезвычайно тяжкий, образ жизни — стояние на столпах?

Некоторые объясняют это гордостью: говорят, будто бы желание отличиться странностию, приобрести славу необыкновенных подвижников и привлечь к себе толпы поклонников заставляло некоторых пустынножителей восходить на столпы.

Проверить себя изнурениями, страдать в продолжение 80 лет только из-за одного гордого желанья обратить на себя взоры людей и заставить говорить о себе, как о великом подвижнике, - совершенно несбыточно и невероятно.

Нет, против голоса природы и чувства самосохранения не устоит голос какой-то странной и непонятной гордости, которую хотят видеть в столпниках. Человек, который действует по внушению гордости, для достижения своих целей жертвует иногда многим; но его пожертвования кратковременны и никогда не могут простираться до такого удивительного самоотвержения, какому подвергали себя столпники.

Притом сокровенный дух или характер человека необходимо обнаруживается в его деятельности. Но что мы видим в жизни столпников? Образец смирения: все слова и поступки их ознаменованы глубоким уничижением. Симеон, уважая всякого без исключения, называл себя не иначе, как презренным и отверженным монахом. Мудрость советов своих всегда старался прикрывать какою-то особенною простотою и скромностию, и сам внимал советам других; безчисленные и многообразные исцеления, им совершаемые, относил единственно к благодати Божией и с страшною угрозою запрещал исцеленным говорить о имени его; сознавая непрестанно свою виновность и недостойность пред Богом, он обыкновенно поручал себя молитвам других, просиявших подвигами и добродетелями. Он без ропота принял несправедливое отлучение его от общества и без всякого прекословия повиновался требованию сирийских посланников, повелевших ему сойти со столпа. Туже кротость, то же смирение мы видим и в жизни Даниила. Столпника. Никакие клеветы и оскорбления не могли возбудить в нем гнева и мщенья. Он прощал все обиды, ему наносимые, молился за своих врагов и исцелял клеветников.

Другие из новейших объясняют столпническую жизнь фанатизмом. Но и это неверно. Столпников нельзя упрекнуть в недостатке мудрости и верного познания предметов, особенно религиозных, иначе нужно несправедливо предположить крайнюю степень невежества во всех их современниках, потому что столпники почитались мудрецами своего времени. Их мудрость засвидетельствована и прославлена всеми современниками. Народ

тысячами приходил послушать учения столпников; их посещали цари и вельможи, патриархи и ученые (как, например, Феодорит Кирский, за обширные сведения и мудрость названный чудом своего века, Евагрий, Феодор чтец, Косма, священник халдейский, и другие), и все удивлялись премудрости, исходившей из уст их. Особенно первый столпник славен был даром прозорливости и советов. По нужде и требованию народа, он каждый день посвящал несколько часов на выслушивание и разрешение различных вопросов, недоумений и распрей, ему предлагаемых, и все слова и советы его были принимаемы, исполняемы, как Богодухновенные. Императоры — Феодосии, Леон и Маркиан — не раз в затруднительных случаях пользовались его наставлениями. Так, Феодосии, по случаю распри, возникшей между Кириллом и Иоанном Антиохийским на Ефесском соборе, писал к Симеону, как к такому мужу, который один мудростию своих советов и силою молитв может положить конец несогласиям и возстановить мир в Церкви. Даниил был украшением царствования Льва, который настолько уважал столпника, что многократно приходил к нему в простой одежде для получения от него благословения и советов. Симеон Дивногорец еще в младенчестве своими ответами и вопросами удивлял опытного, известного в свое время духовною мудростию, старца Иоанна, игумена Пильского монастыря. Вообще, повествователи жизни столпников представляют их мудрецами, у которых все слова и действия основаны не на безотчетном чувстве, но на верном соображении ума, на глубоком знании веры христианской и природы человеческой.

Ни в характере, ни в действиях столпников мы не видим суровости и жесткости, поэтому их нельзя считать фанатиками. Будучи строги только к себе, они были сострадательны, снисходительны и ласковы ко всем, даже отличались особенною любовью и приветливостью; они входили в состояние и нужды несчастных, принимали участие в бедствиях общественных, стараясь облегчать их своими советами, молитвами, ходатайством и утешениями; словом, это были великие благодетели человечества, отрадные светила, которые разливали теплоту, жизнь и радость вокруг себя, а поэтому невольно привлекали к себе сердца людей. Многие из приходивших к ним не хотели отойти от них и, оставляя свои дома и имения, поселялись при столпах для того, чтобы непрестанно наслаждаться лицезрением столпников и поучаться их беседами. Поэтому возле каждого столпника мало-помалу возникали обители и устраивались обширные монастыри.

Следствия столпнической жизни, как мы увидим после, были спасительны как для самих столпников, так и для народа. Оставаясь верными своим правилам до конца своей жизни и верно достигая высоких целей своих, столпники были примером добродетели для всех и

причиною спасения многих, а поэтому заслуживали всеобщее благословение от современников, прославлены и доселе прославляются всею православною Церковью.

Нет, не гордость и не фанатизм, как некоторые думают, но что-нибудь другое было победительною причиною и началом столпнической жизни. И, без сомнения, причины этого необычайного явления прежде всего нужно искать в духе и направлении монашества V века, в котором явились и особенно прославились столпники. Монашество в V веке достигло полного развития и отличалось особенною, необыкновенною строгостью жизни. Феодорит, приступая к описанию жизни пустынников V века, требует веры от своих читателей, потому что он, действительно, говорит о таких подвигах, кои, по-видимому, превышают человеческая силы и вероятие. Некоторые из пустынников, по его словам, обрекали себя на постоянное странствование по необитаемым местам и, несмотря на жар и стужу, покрывали только те члены тела, которые внушает покрывать природа; другие заключались в хижины или пещеры столь тесные и низкие, что нельзя было пребывать в них без согбенія; иные осуждали себя на безмолвие внутреннее и внешнее; многие носили тяжкия железные цепи или вериги; все вообще хранили непрерывный пост, простиравшийся от 7 до 40 дней без вкушения пищи. Ревность в умерщвлении плоти была необыкновенная. Старцы и настоятели подавали пример самоотвержения своим ученикам, ученики старались превзойти учителей. При таком аскетическом духе, при таком религиозном героизме пустынников, можно и даже нужно было ожидать великих, необыкновенных подвижников. И вот среди пустынь, как цвет подвижничества, являются столпники, которые достигают последней степени самоотвержения и терпения.*

*«Духовная Беседа», 1859.

Столпники

Преподобный Симеон Столпник

Симеон, молодой сириянин, из пастушеского сословия, воспитанный во благочестии, был *первый столпник*, прославившийся своим подвигом на столпе. Услышав некогда в церкви слова Евангелия о блаженстве нищих духом и плачущих (Мф. 5, 3), он спросил одного старца: «Как приобрести это блаженство?» — «Постом, молитвою, смирением, нищетою и удалением от игр», — отвечал старец. Юный Симеон положил в сердце своем удалиться от сует мира и тайно от родителей скрылся в соседнем монастыре, 18-ти лет принял пострижение иноческое; был в строгом послушании у всех; постился не до вечера ежедневно по примеру других иноков, но по целой седмице; тело свое от бедр до выи обвил вервиею, сплетенною из финиковых ветвей, так крепко, что ветви впились в его тело и причиняли ему болезненные раны, из которых текла кровь. Но игумен велел снять сии вериги.

Вознося мысли и сердце свое к Богу вдохновенными словами псалмопевца, преподобный в короткое время выучил всю Псалтирь. Жаждая строжайших подвигов благочестия, Симеон оставил монастырь, уединился в горах пустыни и потом три года провел в тесной келии затворником в непрестанной молитве и строжайшем посте. Слава об его подвигах распространилась по всей окрестности, и к нему отовсюду стекались посетители, желая прикоснуться к нему и принять от него благословение. Уклоняясь славы, преподобный Симеон умыслил создать столп и на нем стоять, дабы приходящие к преподобному не могли касаться его. И так начав собирать близлежащее каменья, из них построил себе столп в 6 локтей высотой и на нем тесную хижину в два локтя. Восшед на этот столп и непрестанно взирая на открытые небеса, преподобный постоянно пребывал в посте и возносился молитвою к Богу. Чрез «несколько лет усердные к преподобному создали для него иной столп в 12 локтей, после того — в 22, потом — в 36, наконец, — в 40 локтей, и кругом столпа каменную ограду, — отчего преподобный Симеон называется *архимандритом*. Различными столпами, как по лестнице, преподобный восходил к небесным селениям, много тяготы претерпевая на сих столпах, мучимый дождем, жегомый зноем, томимый стужей, питаясь сочивом и водою. По гласу Церкви, он «был столпом терпения, ревнителем Иову в страстях, Иосифу в искушениях и безплотных жительству».

Новые и необычайные подвиги святой жизни Симеона возбудили к нему во всех величайшее удивление и уважение. Никифор Каллист пишет: «Великий Симеон, святая и славная памяти, первый избрал стояние на столпе и стяжал себе славное имя, имея на столпе жилище в два локтя. В это время на кафедре антиохийской был Домнос или Домн, который,

услышав о подвигах Симеона и пришед к нему, поражен был удивлением и пожелал иметь общение с ним в тайне святого причащения. Великий Симеон, и самым телом восходя горе и подражая житию ангелов, отрекся от всех земных благ и забот; собрав силы свои, стремился к горнему и создал себе жилище между небом и землею, дабы вне всякого общества и препятствий непрестанно благословлять и славословить Бога, вместе с ангелами. Он был как посредник, возносящий к Богу мольбы людей молящихся и подающий им свыше великую благодать. Удивительные его дела преданы памяти многими очевидцами. Приятно и красноречиво изложил подвиги Симеона в истории своей Феодорит, епископ Кирский. Симеон — земной ангел, еще во плоти гражданин и житель небесного Иерусалима, — стремился по пути жизни совершенно новому, никем не проложенному, и отцы, обитавшие на вершинах гор, весьма благосклонно к нему расположенные, послали к нему от себя спросить его: что значит такая его необычайная и чудная жизнь? Для чего он, прежний, всеми почти святыми проходимый путь оставивши, вступил на иную совершенно неведомую стезю? И потребовали, чтобы он сошел со столпа и подвизался по примеру святых отцов. И как он готов был сойти со столпа, то они позволили ему вести род жизни, им избранный; по его послушанию они судили, что Сам Бог внушил ему образ его жизни.

Преподобный силою благодати, в нем обитавшей, исцелял всякия болезни и недуги и предвидел будущее. Тысячи людей повергались долу пред столпом преподобного Симеона и просили его благословения. Язычники, взирая на него, убеждались в истине Евангелия и принимали веру христианскую. Все советы Симеона были слушаемы и исполняемы, как Боговдохновенные. Император Феодосии Младший, или Второй (408 - 450) повиновался словам преподобного; преемник Феодосия, Маркиан, скрытно в одежде простолюдина посещал необыкновенного подвижника, пользовался духовною его беседой и удивлялся ему; преемник Маркиана, император Лев, писал преподобному письма, как знаменитому подвижнику. Царицы персидская и исмаильтская просили его благословения и молитв. Славный великими подвигами благочестия, даром чудотворений и прозрения, преподобный Симеон столько был кроток и смирен, что считал себя уничиженнейшим из всех.

Ко всем являлся он с лицом веселым, с словом ласковым. Посещавшие угодника не могли насытиться видением благолепного лица его и святою его беседою. Он подвизался на столпах среди неба и земли около 47, а по мнению святого Димитрия, митрополита Ростовского, до 80 лет.

Устав повседневного жития преподобного был таков: всю ночь и день до 9 часа он стоял на молитве, в 9 час назидал приходивших к нему, выслушивал и облегчал прошения и нужды притекавших к нему; утешал скорбящих,

исцелял больных силою молитвы. По захождении солнца опять становился на молитву. При таких трудах он не переставал пеших о мире Церкви православной; царей и начальников поучал своими письмами мудрыми и душеспасительными. Доселе сохранились письма преподобного Симеона Столпника: *одно* к императору Феодосию Младшему о возвращении отданных антиохийским иудеям церквей, которые император, действительно, и возвратил христианам; *другое* — о халкидонском соборе к императору Льву; *третье* — о том же соборе к Василию, епископу Антиохийскому; *четвертое* — к Евдокии, императрице, впад-шей в Евтихиеву ересь; *слово* о непрестанном памятовании каждому о своей смерти и проч.*

Жизнь святого отца и его беседы были так поучительны, что обращали на путь истинный самых закоренелых преступников. Так, однажды, спасаясь от преследования воинов, прибежал к столпу разбойник Ионафан. Он своим злодейством наводил страх на всю окрестность и осмеливался разбойничать даже в самой Антиохии. Будучи очень силен и отважен, он до сих пор не давался в руки правосудия и избегал законной кары. На этот раз, настигаемый посланными для его поимки воинами, он не мог уже скрыться и вбежал в ограду столпа, ища покровительства святого. «Кто ты и зачем пришел сюда?» — спросил его преподобный. «Я Ионафан, сделавший много зла людям, и пришел к тебе покаяться», - ответил разбойник. Во время их разговора подбежали догонявшие Ионафана антиохийские воины, не переходя ограды столпа, начали просить Симеона, чтобы он выдал им разбойника, приговоренного к смертной казни чрез растерзание дикими зверями. Преподобный же ответил им на это, что не он призвал сюда разбойника, а Сам Бог привел его для покаяния, а потому выдать его он не имеет права; пусть они сами возьмут его. Но никто из воинов не осмелился перейти ограду и поступить против желания столпника. Они только рассказали в Антиохии о случившемся. Разбойник же семь дней пребывал у святого в сокрушении о своих грехах и молитве и, наконец, очищенный покаянием, умер. Как только ученики святого приготовились предать тело умершего погребению, приехали из Антиохии начальствующие лица и попросили Симеона, чтобы он выдал им разбойника; но святой отвечал им на это: «Тот, Который привел ко мне этого человека, Сам и пришел за ним, сопровождаемый множеством сил небесных, и взял его, раскаявшегося, к Себе». Тут ученики преподобного показали им тело умершего, и они вернулись в Антиохию, славя Бога, допустившего к покаянно такого закоренелого в преступлениях человека, каким был Ионафан.

* «Жития святых» Филарета, архиепископа Черниговского.

Один из начальников сарацинского войска, по имени Филарх, имел родственника — расслабленного, не имевшего возможности даже ходить без посторонней помощи. Филарх обратился к святому, прося его молитв и помощи, и святой велел принести к себе больного. Когда расслабленный был принесен к столпу, то святой долго беседовал с ним об истинах Христова учения и правилах христианской жизни и своими наставлениями возбудил в близком уже к отчаянию больном такую горячую веру во Христа, что расслабленный после этого совершенно выздоровел. Слава преподобного Симеона и его незатемненная греховными помыслами мудрость были так велики, что шли далеко за пределы христианского мира, и наставлениями и советами его пользовались не только простые люди, но и цари и правители народа. Так, император восточной империи Феодосий Младший по проискам евреев отдал им один из христианских храмов. Когда слух об этом дошел до святого, то он написал письмо императору, грозя за сделанный поступок гневом Божиим и требуя, чтобы храм этот вновь был возвращен христианам. Император не осмелился противиться справедливому требованию Симеона и опять передал храм христианской общине и в то же время обратился к святому с просьбой помолиться о нем. По смерти этого императора, жена его Евдокия впала в евтихианскую ересь, и когда святой узнал об этом, то письмами стал увещать и наставлять царицу в истинной вере и достиг того, что царица отреклась от еретического учения и умерла истинной христианкой.

Царица измаильтянская не имела детей. Слыша много о чудесах, совершающихся по молитве преподобного Симеона, она послала к нему просить его молитв, чтобы Бог разрешил ей неплодие. Действительно, вскоре она родила сына и так была обрадована этим, что сама вместе с младенцем и приближенными отправилась к святому сообщить о милости Божией и просить его благословить новорожденного. Царица персидская, наслышавшись много о святом столпнике, также просила его благословения и полученный от него елей хранила в продолжение всей своей жизни, как святыню. Преподобный в таких случаях не гнушался общения и с язычниками, с христианской любовью относился к ним и исполнял их желания, если только они были направлены в добрую сторону.

Всех, приходящих к нему, он с готовностью поучал и для всех одинаково служил видимым примером самоотверженной, истинно христианской подвижнической жизни.

О кончине преподобного Симеона от ученика его Антония известно следующее: в одну из пятниц святой не выходил из своей келий на столп в продолжение целого дня. Ученики и собравшийся к столпу народ напрасно ожидали благословения и поучения его после полудня, когда святой Симеон имел обыкновение прекращать свою молитву и, взирая со

столпа, беседовал с приходившими. То же самое повторилось в субботу и в воскресенье; святого никто в эти три дня не видал. Наконец, в воскресенье Антоний сам взошел на столп и увидел Симеона, стоящего как бы на молитве со сложенными на груди руками. Думая, что преподобный молится, Антоний переждал несколько времени, затем сказал ему: «Отче, благослови меня». Святой не отвечал. Антоний чрез несколько времени снова обратился к святому, спрашивая, почему он не выходит так долго к народу, который вот уже трое суток ждет его. Но ответа не было. Тогда Антоний, угадывая истину, подошел к своему учителю ближе и с ужасом убедился, что он уже умер. Пораженный таким горем, Антоний долго скорбел и плакал у тела почившего и, наконец, утомившись, уснул. Во сне ему явился преподобный и велел преподать благословение собравшимся; а о своей смерти велел сообщить скорее в Антиохии, не разглашая о ней в народе, окружавшем столп. Антоний, проснувшись, не замедлил исполнить волю усопшего и послал сказать о смерти его Антиохийскому патриарху Мартирию. В скором времени патриарх с тремя епископами и множеством народа из Антиохии и окрестностей явился к столпу за телом преподобного. С великим торжеством собравшиеся святители положили его в приготовленный для сего гроб и в сопровождении многих тысяч народа перенесли в Антиохию. Здесь тело с великою честью было предано погребению. В то время, когда жители Антиохии встречали тело святого, в толпе находился человек глухой и немой с четырнадцатью лет; как только он посмотрел с верою на мощи, так тотчас же к нему вернулись дар слова и слух. Много и других чудес совершилось при гробе святого. Через несколько лет в Антиохии была построена церковь во имя преподобного Симеона Столпника, и туда были перенесены нетленные мощи его. Император Лев Великий, живший в Царьграде (Константинополе), просил жителей Антиохии, чтобы они позволили перенести святые мощи в его столицу, но антиохиане не согласились на это, говоря, что святой Симеон для их города есть единственный защитник от врагов и заступник пред Богом.

Поучение преподобного Синеона Столпника о приготовлении к смертному часу

Помыслите, братие мои, о том страхе и той нужде, какие мы будем чувствовать в час перехода нашего из настоящей жизни. Во время исхода души нашей из тела страшное совершается таинство, ибо в то время приступают к ней как добрые ангелы с небесным воинством, так и начальники тьмы со всеми противными силами, — с тем, чтобы восхитить ее в свои жилища. Если она во время земной жизни занималась приобретением добродетелей и провела жизнь честно и праведно, то во время исхода ее из тела ей сопутствуют приобретенные ею добродетели; ангелы Божий окружают ее, не позволяя враждебным демонам прикоснуться; она идет в путь свой со святыми в радости и веселии. Святые ангелы воспевают о ней победные песни, представляют ее Спасу и Царю славы Христу, поклоняются Ему вместе с нею и всем воинством небесным, отводят ее в место покоя неизглаголанной радости и вечного света, где нет ни скорби, ни воздыхания, ни плача, ни беспокойства, но жизнь вечная, радость непрерывная, со всеми благоугодившими Господу, в небесном царстве. Если же она во время земной жизни раболепствовала постыдным страстям, была предана плотоугодию и прельщалась суетным миром, то в час смерти ей предстают злые демоны, окружают ее, не позволяя ангелам Божиим приблизиться к ней, и, несмотря на плач и воздыхания, влекут ее в места темные и плачевные, влекут туда, где блюдятся все беззаконники до дня суда и вечного осуждения, и куда низвержен сам диавол с слугами своими. Посему еще в продолжение жизни мы должны, братие мои, заботиться об окончании оной и приобретать те добродетели, которые могут защитить нас во время смерти от враждебных демонов. Какие это добродетели, кои должны мы приобретать? Любовь, кротость, великодушие, умеренность, терпение, рассуждение, смирение, молчание, мужество, правду, воздержание, девство, кои в страшный час суда так защитят нас, что никто не осмелится вступить с нами в борьбу. Пороки же, кои увлекут душу в погибель, суть ненависть, гордость, жестокосердие, беспечность, празднословие, зависть, надмение, злопамятство, неведение, гнев, ярость, леность, сладострастие, сребролюбие и вообще всякое сатанинское беззаконие. За эти-то пороки душа наша в день смерти присоединится к сонму демонов. Ибо если мы их предпочитали во время жизни, то они не оставят нас и после смерти, но будут обладать нами так, что никто не избавит нас от них. Итак, пока есть время постараемся стяжать те добродетели, коими мы можем пособить себе во время смерти, дабы защититься ими от врагов наших, а для сего будем непрестанно представлять себе силу врагов наших и те бедствия, кои производят они, убегать от них как от змия и огня; а если

они уже возобладали нами, то поспешим освободиться от них и приготовимся к исходу, дабы, когда Господь толкнет в двери, нам быть готовыми. Причиною же неготовности нашей бывает невоздержание в пище и питии, непрестанные помыслы об удовольствиях плотских, что все уничтожается от поста, жажды, бдения и уединения. В беспечность приводят душу также и воспоминания о предметах, причиняющих скорбь душевную, каковы похоть плотская, славолюбие и властолюбие, кои, не быв удовлетворяемы, обыкновенно ввергают человека в уныние. Впрочем, если мы будем презирать эти предметы со всею горячностью и любить Бога, то освободимся и от сих пороков*.

* Общество «Воскресное Чтение», 1849.

Преподобный Даниил Столпник

Преподобный Даниил Столпник родился в 409 году в окрестностях города Самосаты, в Месопотамии. Рождение его было плодом долгих и пламенных молитв матери его Марфы. Не имея детей и вынося вследствие того много оскорблений и упреков со стороны мужа и родственников, благочестивая Марфа не раз в ночной тишине с горькими слезами изливала свою скорбь пред Богом и умоляла Его разрешить ее неплодие и таким образом снять с нее поношение среди людей. Молитва ее была услышана, и Бог даровал ей сына Даниила, великим подвигам благочестия которого удивлялась впоследствии вся Византийская империя.

Когда Даниилу исполнилось пять лет, родители его, по примеру родителей Иоанна Предтечи, решились посвятить его на служение Богу и с этою целью отправились с ним в один из ближайших монастырей. Однако игумен этого монастыря не посоветовал им так рано обрекать Даниила на трудную иноческую жизнь и убедил их взять его домой и там воспитывать в страхе Божиим, чтобы он сам, когда достигнет зрелых лет, добровольно мог выбрать свой жребий. Но Даниил до зрелого возраста в родительском доме далеко не дожил; стремление к высшей духовной жизни пробудилось в нем весьма рано: на двенадцатом году своей жизни он уже решился навсегда оставить мир и ушел тайно от родителей в один монастырь, отстоявший от родного селения на двенадцать верст. Напрасно игумен этого монастыря старался отклонить его от принятого решения и указывал ему, с одной стороны, на его слишком юные годы, а с другой — на трудность монастырской жизни, — преподобный на все отвечал одно, что он лучше желает умереть от трудных монастырских подвигов, чем возвратиться к мирской суете. Видя в отроке такую твердость духа и непреклонную его решимость оставить мирскую суету, игумен, посоветовавшись с братией, позволил ему остаться в монастыре. Родители обрадовались, когда узнали о случившемся, и пришли в монастырь попросить игумена, чтобы он постриг их сына в иноческий чин. В один из воскресных дней игумен исполнил эту их просьбу: преподобный Даниил стал иноком. Живя в монастыре, преподобный Даниил своим смирением, скромностью и безропотным перенесением всех трудностей монастырской жизни приобрел себе всеобщую любовь и уважение со стороны братии. Как ни трудна была монастырская жизнь, как ни велики были подвиги, к которым она обязывала монашествующих, однако пламенная душа преподобного Даниила не удовлетворялась ею, она жаждала иной, более совершенной жизни, иных, более трудных подвигов. В то время в пределах Антиохии сирийской подвизался на столпе преподобный Симеон Столпник. Услышав о великих подвигах его, преподобный Даниил возгорелся

желанием видеть его и беседовать с ним. Удобный к тому случай скоро представился. Однажды игумен монастыря отправился по церковным делам в Антиохию. Вместе с другими иноками он взял с собой и Даниила. Увидавши высокий столп подвижника еще издали, преподобный Даниил был поражен трудностью подвига и тогда же положил в своей душе — подражать преподобному Симеону. Преподобный Симеон, когда путники приблизились к столпу, позволил им взойти по лестнице к нему; между тем как другие колебались, опасаясь подыматься на довольно значительную высоту, преподобный Даниил быстро взошел на столп, обнял преподобного Симеона, получил от него благословение и удостоился долгой беседы. При прощании преподобный Симеон сказал молодому иноку: «Мужайся, чадо, да укрепится сердце твое; много трудов понесешь ты ради Христа, но Он будет тебе всегдашним помощником и утешителем». После этого Даниил вместе с другими возвратился в монастырь. Когда игумен монастыря умер, братия единодушно избрала преемником ему преподобного Даниила. Но Даниил по своему смирению отказался от такой чести и отправился в Палестину, желая видеть места, освященные присутствием Спасителя. Путешествие это ему, однако, не удалось. На дороге он встретил старца, видом походившего на преподобного Симеона, который возвестил ему, что в Палестину идти небезопасно, так как там идут большие смуты вследствие восстания самарян на христиан. Повинуясь внушению старца не подвергать свою жизнь опасности понапрасну, преподобный Даниил не пошел в Палестину, а отправился в Византию, которая в то время славилась своими святынями не менее Палестины. По дороге в Византию преподобный Даниил встретил один пустой языческий храм, который, как говорили преподобному, был обитаем злыми духами, наводившими ужас на всю окрестность. Преподобный не усомнился поселиться в нем и скоро своей верой и молитвой победил все искушения демонов. Слух о нем распространился по всей окрестности, и к нему стали стекаться многие, прося благословений и наставлений. В это время силой своей молитвы преподобный исцелил, между прочим, от жестокой болезни Византийского патриарха Анатолия. В языческом капище Даниил прожил около девяти лет. Наконец, ему было видение: ему представился величайший столп, на верху которого стоял преподобный Симеон и звал его к себе. Даниил принял это видение за призыв к столпнической жизни и решился исполнить, наконец, давнишнее свое намерение поселиться на столпе и угодить Богу такой же жизнью, какой угождал преподобный Симеон. С помощью своих друзей-учеников Сергия и Марка он выстроил столп и после продолжительной молитвы взошел на него. Это было в 459 году, в самый год кончины преподобного Симеона Столпника. Таким образом, преподобный Даниил был как бы преемником в своем новом подвиге преподобного Симеона. Чуждая всяких мирских волнений, отрешенная от

всяких земных интересов и всецело обращенная к Богу столпническая жизнь преподобного Даниила скоро, однако, была нарушена людской злобой. Владелец того места, на котором преподобный устроил себе столп, когда узнал, что на его земле поселился неизвестный монах, сильно разгневался и, пришедши к столпу, начал требовать, чтобы преподобный тотчас же оставил столп.

Напрасно некоторые убеждали строптивного владельца оставить преподобного в покое, — он настаивал на своем и угрожал Даниилу насильственным низвержением со столпа, если он не пожелает сойти добровольно. Даниил повиновался и начал было сходить со столпа; но владелец, когда увидел его отекавшие от непрерывного стояния ноги, устыдился своего поступка, просил у подвижника прощения за нанесенное оскорбление и выстроил ему даже новый высокий столп. Даниил возвратился в свое убежище. Велик и многотруден был подвиг преподобного Даниила! Летом он переносил нестерпимый зной, а зимой страдал от жестоких и лютых морозов. Однажды в жестокую зиму три дня стояли самые лютые морозы и свирепствовала жесточайшая буря.

Преподобный Даниил стоял на столпе без всякой защиты, буря сорвала с него даже кожаный куколь; в течение трех дней ученики преподобного не могли даже видеть, что с ним случилось. Когда на третий день буря утихла и ученики взошли на столп, то нашли преподобного совершенно окоченевшим, покрытым ледяной коркой, с самыми слабыми признаками жизни. Только с большими усилиями удалось им привести его в чувство. Молва о необычайных подвигах преподобного и силе его молитв дошла до византийского императора Льва, и он, не имея себе наследника, обратился к Даниилу с просьбой, чтобы тот походатайствовал за него в своих молитвах пред Богом. Даниил отвечал царю, что через год у него родится сын, и предсказание это действительно исполнилось: через год император имел наследника. В благодарность он выстроил для подвижника третий столп и еще просил патриарха посвятить его в пресвитерский сан. Патриарх исполнил просьбу императора: взявши с собой множество клириков, он с большой торжественностью приблизился к столпу и здесь в присутствии многочисленного народа совершил над преподобным обряд посвящения, при чем весь предстоящий народ воскликнул аксиос (достоин). Раз испытав силу молитвы преподобного Даниила, царь потом всегда, как только приближалось какое-нибудь несчастье, обращался к нему, прося его молитвенного заступничества пред Богом.

Однажды на греков пошел войной вандальский царь Гензерих и пришел уже в Александрию. Лев, в страхе перед сильным неприятелем, не надеясь на собственные силы, пришел к Даниилу и просил его походатайствовать пред Богом, чтобы Господь предотвратил шедшее на

страну несчастье. Даниил успокоил царя, сказав, что Гензерих не только не завоюет государства, но не возьмет даже Александрии и скоро уйдет в свою страну. Предсказание в точности сбылось: Гензерих, действительно, скоро оставил пределы Византии. В благодарность за заступничество пред Богом царь хотел было устроить около ста келий возле столпа для учеников преподобного, но преподобный упросил его выстроить церковь во имя преподобного Симеона Столпника. Царь исполнил это желание Даниила, устроил церковь и торжественно перенес в нее мощи преподобного Симеона.

По смерти императора Льва греческий престол перешел зятю его — Зенону. Но Зенон скоро свергнут был родственником его — Василиском, правление которого было крайне неблагоприятно для православной Церкви, так как император был еретик. Патриарх Цареградский Ананий послал к преподобному епископов просить прийти в город для воодушевления православных. Преподобный сначала не хотел сходить со столпа, но потом, уступая настоятельным просьбам, сошел; но так как по причине многих образовавшихся от долгого стояния на ногах ран сам он идти не мог, то его понесли в город на руках. Когда о прибытии преподобного узнал император, то сначала велел не пускать его, но потом, боясь гнева Божия, принял его; преподобный предсказал императору-еретику низвержение с престола и скорую смерть. Действительно, Василиск скоро был изгнан из греческого царства и на его месте воцарился Зенон, который, по восшествии на престол, вместе с императрицей отправился к преподобному Даниилу за получением благословения и наставления.

Преподобный Даниил умер на 81 году своей жизни, в 489 году. Тело его было положено в церкви, устроенной при столпе. Там же были положены мощи трех Вавилонских отроков: Анании, Азарии и Мисаила. Мощи преподобного Даниила в 1200 г. видел паломник Антоний.

Преподобный Симеон столпник, Дивногорец

Благочестивая Марфа, мать святого Симеона Дивногорца, не хотела выходить замуж и, убеждаемая родителями своими вступить в брак, не знала, на что решиться, с одной стороны, боясь оскорбить родителей своих отказом, а с другой — не желая оставить и своего намерения посвятить свое девство Господу. Среди этих недоумений святая вера указала благочестивой отроковице средство разрешить свои сомнения. Возвергши на Господа печаль свою, она с полной преданностью воли Божией идет в церковь святого Иоанна Предтечи на преградии антиохийском и там в слезной, пламенной молитве ко Господу и к святому угоднику Его изливает скорбную душу свою пред Ним, моля Его, да устроит о ней Сам Он полезное. И молитва веры не осталась тщетной пред Господом: там же она получает откровение от Бога, повелевающее ей исполнить волю родителей. Повинуясь указанию Божью, она вступила в брак.

Получивши чудное извещение от Бога в разрешение своего недоумения предстательством святого Иоанна Крестителя, благочестивая Марфа усердно потом молила святого Предтечу, да исходатайствует ей у Бога милость - родить сына, обещаясь, со своей стороны, посвятить его на служение Богу, как Анна Самуила. Через год святой Предтеча, явившись ей в ночном видении, возвестил, что молитва ее услышана, повелел назвать имеющего родиться сына Симеоном, по имени первого столпника, которому он будет подражателем в своей жизни, и предсказал, что он еще в младенчестве своем будет величайшим постником, как сосуд свят, избранный на служение Господу. Предсказание исполнилось: новорожденное дитя, плод молитв матерних, наречено было Симеоном и, будучи еще младенцем показывало в себе пример такого строгого воздержания, что знавшие это с недоумением вопрошали: «Что будет отроча сие?» Два особенно дивных примера воздержания его в младенчестве передает автор жития его: он никогда не сосал левого сосца своей матери и вовсе не брал в рот сосца в тот день, когда мать его ела мясо. Через два года родители крестили его в Предтечевой церкви, и с этого времени он, по подобию покровителя своего святого Предтечи Господня, питался только хлебом, медом и водой. Так провел жизнь свою святой младенец до пяти лет.

На пятом году он лишился отца своего, который был задавлен во время землетрясения, бывшего в Антиохии. Святого Симеона и матери его по строению Божью не было в то время в доме, и они остались целы и невредимы. Святой отрок прожил после этого с матерью своей ещё два года. К концу этого времени, когда мать его размышляла о видениях, бывших ей о сыне, и недоумевала, что будет с ним, ей было следующее,

последнее откровение во сне: казалось ей, что ей даны были крылья, и она возлетала на высоту, держа в руках отрока. Вознося его в дар Господу, она говорила: «Я желала видеть такое твоё восхождение, — да отпустит убо мене Создатель мой с миром, сподобившуюся отдать Вышнему плод чрева моего». Видение это было предвестием близкой её кончины. Затем и святой отрок сподобился видения. Ему явился Господь Иисус Христос, сидящий на престоле славы, окруженный множеством праведных; затем разверзлась книга жизни и начал производиться суд, — и виден был на востоке рай сладости, а на западе — геенна огненная, и был глас к нему: «Смотри, что уготовано в награду за добродетель и что будет возмездием за грехи; старайся благоугодить Господу, да сподобишься чести со святыми и получишь неизреченные блага, уготованные от века любящим Бога». От этого видения воспламенилось в святом отроке желание благоугодить Господу трудами и подвигами благочестивой жизни.

Не менее дивно было и вступление его на эти труды. Вскоре после видения Господа во славе явился ему некоторый неизвестный муж, одетый в белую одежду, который приглашал его следовать за ним, и когда отрок согласился на это, привел его на одну пустынную гору, отстоящую около трех стадий от Селевкии. Так отрок-подвижник предначал свои труды во славу Божию, невидимый никем из людей, обращаясь только со зверями и питаемый тем светлым мужем, который привел его сюда; здесь же он получил первое наставление в жизни подвижнической от того же мужа, который, являясь ему часто и принося пищу, наставлял его подвигам благочестивой жизни. Предуготовленный таким образом к подвижнической жизни, он по наставлению свыше взошел потом на верх горы, где находился небольшой монастырь, в котором игуменом был святой столпник Иоанн. Господь заранее благоволил возвестить этому святому столпнику о прибытии к нему отрока Симеона, чтобы он, нимало не сомневаясь, принял его к себе.

Первоначальные подвиги святого Симеона в монастыре состояли в таком строгом воздержании, что и состарившиеся в подвижничестве иноки невольно удивлялись силе благодати Божией, производившей и в малом отроке добродетели, свойственные старцам. Обыкновенное пощение его было такое: как и прежде, он не ел ничего, приготовленного на огне, а вкушал только хлеб и размоченные в воде сочива и пил воду, и эту пищу принимал иногда чрез три дня, иногда — чрез семь, а иногда — и чрез десять.

Видя такое вышеестественное пощение отрока, находившийся в монастыре том некий муж, пасший стада, движимый завистью дьявольскою, вознамерился убить святого постника; но Господь дивно сохранил раба Своего; рука, поднятая на убиение святого отрока, тотчас

иссохла. Исцеление ее по молитве его приобрело ему уважение и от игумена и от всей братии.

Научившись уставу иноческому, блаженный отрок пожелал подвизаться на столпе и просил устроить для него столп близ того, на котором стоял игумен Иоанн. Видя душевную доброту его и особенную благодать Божию, почивающую на нем, блаженный Иоанн согласился на его желание и, облекши его во иночество, возвел его на столп, поставленный близ его столпа. И чудное поистине было зрелище - видеть старца и отрока, подвизающимися одинаковым образом, и юного отрока, не уступавшего многолетнему старцу в подвигах благочестия!

Недолго спустя после восшествия святого отрока на столп, явился ему Господь в отроческом виде. Видение сие воспламенило все сердце его любовью ко Господу; в порыве детской простоты он даже возымел дерзновение спросить у Господа, как распяли Его иудеи. В ответ ему Господь распростер пречистые руки Свои крестообразно и преподал ему наставление о сораспятии Ему по вся дни. После сего видения угодник Божий как бы совсем забыл свое тело и, живя в теле, уподоблялся безплотным, провождая жизнь равноангельскую и превосходя в подвигах самоумерщвления и блаженного отца своего духовного. Старец Иоанн пел обыкновенно по тридцати псалмов каждую ночь, а блаженный Симеон совершал пятьдесят, а иногда восемьдесят, а часто и всю ночь проводил без сна, совершая псалмопение, а равно и весь день немолчно славословил Господа.

Доселе благодать Божия хранила юного подвижника от всякого приражения князя тьмы, давая ему время возмужать и утвердиться в подвигах благочестия. Теперь, чтобы предварительно ознакомить его со всеми ухищрениями бесовскими, которыми диавол уловляет души человеческие в свою волю, ему открыто было все диавольское царство, все мечтания и страхования бесовские, которыми устрашает диавол подвигающихся в добродетельной жизни, и все прелести вражия, которыми он увлекает ко греху нерадивых и невнимательных к своему спасению. Духи прелести старались искутить и святого Симеона; но он отгнал их от себя, оградившись крестным знаменем и призвавши имя Христово. Потом, возревши на церковь, он увидел престол Божий, и слава Божия, изшедшая от него, осияла его, и послан был к нему один из патриархов, который, возливши на главу его благоуханное миро, сказал ему: «Силою сего помазания прогоняй бесов — и, препоясавшись Божественною силою свыше, посечешь их тысячи». С сего времени блаженный Симеон получил власть изгонять нечистых духов от людей; с сего же времени начал он терпеть и искушения от диавола, как уже опытный подвижник.

Брань на святого от диавола началась с внешней стороны. Преобразуясь то в страшных змей, то в лютых зверей, он нападал на него, преимущественно ночью, как будто тотчас же собираясь пожрать его. Но блаженный отрок, Вышнего положивши помощника себе, ни во что вменял все бесовские мечтания и прогонял их от себя, ограждаясь оружием креста и одушевляя себя словами псалмопевца: «Не убоишия от страха ночнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго» (Пс. 90, 5-6). Укрепляемый благодатью Божией, он невозмутимо вынес и то страшное нападение диавола, когда сей, не раз уже посрамляемый мужеством святого отрока, собрал все свои полчища и, со многими шумом подошедши к столпу его в самую полночь, сорвал покров, бывший над главой его, и навел от моря сильный ветер и бурю и, произведши страшную грозу в воздухе, целую ночь ударял громами и молниями на столп его.

Отражая оружием креста силу вражью, блаженный Симеон в то же время искоренял и зависть к себе в некоторых из братии монастыря искренней любовью ко всем и усердной молитвой за них к Богу.

Когда святой отрок довольно уже утвердился в новой своей подвижнической жизни, Господь благоволил прославить прославляющего Его святостью своей жизни. Блаженный Ефрем, архиепископ Антиохийский, слышав о строгой подвижнической жизни его, пришел нарочито посмотреть его и, видев святого, от малых лет сораспеншегося Христу, со слезами прославил Бога, даровавшего ему такую благодать; возвратившись в город, рассказывал всем в назидание о строгом подвижничестве его. Отселе многие начали приходить к нему — одни, для того чтобы только видеть его, ибо и одно воззрение на юного отрока, ни в чем не уступавшего в подвигах многолетним старцам, было назидательно для желавших получать назидание; другие — чтобы получать от него наставление, ибо благодать Духа Святого, совершившая некогда хвалу из уст младенец и ссуших, просветила разум и сего отрока.

Но чем более прославлял Господь угодника Своего, тем на большие подвиги самоумерщвления вдавал себя святой Симеон. Не раз он отдавал и последнюю одежду приходившим к нему бедным, сам оставаясь нагим и доблестно терпя и зной солнечный, и стужу зимнюю, доколе блаженный Иоанн снова не облакал его в одежды; а однажды, испросивши у приходящих власяную веревку, обвил ею все тело свое. Веревка мало-помалу вгрызалась в тело его до самых костей, так что от язв на теле его истекала кровь, власяница, намоченная кровью, присохла к телу, и тело его начало гнить. Узнав о сем, старец Иоанн велел отнять понемногу веревку от тела его и запретил ему делать впредь такое суровое мучительство своему телу. Но блаженный, пламенея любовью

блаугождать Богу чрез подвиги самоумерщвления, изобрел для себя новый подвиг — сидел целый год на ногах своих, отчего начали гнить бедра его. Старец призвал было врача для исцеления язв, но святой Симеон не восхотел принять человеческой помощи, и Господь за такую веру его и самоотвержение мгновенно подал ему здравие, так что не осталось и следа язв на ногах его.

После сих опытов самоотвержения преподобного Симеона Господь благоволил еще более удивить милость Свою к верному рабу Своему. В день Пятидесятницы утром, размышляя о сошествии Святого Духа на апостолов в огненных языках, он спросил у духовного отца своего: «Отче, кто достоин приять Святого Духа, как прияли его святые апостолы в огненных языках?» Старец, опасаясь, чтобы он не впал в превозношение, отвечал ему словом писания: «Вышних себе не ищи, и креплыпих себе не испытай. Яже ти повеленна, сия разумевай» (Сир. III, 21-22). Блаженный Симеон отвечал на сие: «Писание говорит: волю боящихся Его сотворит Господь, и молитву их услышит, и спасет я» (Пс. CXLIV, 19), и, сказав сие, возвел очи свои на небо и от всего сердца помолился, говоря: «Господи, ниспославый Духа Твоего Святого на святых Своих ученики и апостолы, поели дар от Твоея благодати и на меня, и вразуми мя, да научуся заповедям Твоим, и да глаголю глаголы живота вечного». И по молитве святого снисшел на него Дух Святой в виде горящей свечи и исполнил премудрости и разума сердце его. Отселе святой Симеон сделался сведущим в Писании, так что и старец и вся братия удивлялись словесам премудрости, исходившим из уст его. (Святой Дмитрий Ростовский замечает, что сей преподобный не тобою усты, но и писанием слагаше душеполезная словеса о иночестве, о покаянии, о воплощении Христовом и о будущем суде, и многая в Священном Писании неуразумительная ясно протолкова (Четьи Минеи, 24 мая).

Полагая день от дне восхождение к небеси в сердце своем, святой Симеон восхотел и телом своим пребывать далее от земли, — и создан был для него новый столп сорока степеней в высоту. Когда преподобный намеревался взойти на сей столп, блаженный Ефрем, архиепископ Антиохийский, и епископ Селевкийский, узнавши о сем, пришли в монастырь с клиром своим и рукоположили его прежде в диакона, а потом с псалмы и пеньми возвели на высокий столп, на котором и стоял он восемь лет, с внешним возвышением соединяя и внутреннее восхождение в сердце своем от силы в силу.

Но да не хвалится всяка плоть пред Богом. По допущению Божию, для большего усовершенствования святого, сатана воздвиг на него тяжкую брань плотскую преимущественно во время ночи, желая осквернить его сонными мечтаниями. Долго и крепко боролся святой подвижник со страстью, часто ни днем, ни ночью не давал сна очам своим и веждам

своим дремания и слезно молил Господа да осенит благодатною силою Своею над главою его в день брани, и Господь услышал молитву его. Раз, находясь в жестокой брани со страстью, он увидел некоего светлого, седого мужа, облеченного в священнические одежды, имеющего в руках своих чашу с Божественными Тайнами. Приблизившись к нему, он причастил его Святых Тайн и, заповедав ему блюсти опасно помыслы свои, сказал в утешение ему, что отселе не будут стужать ему сонные мечтания. Исполняя заповедь — блюстись от рассеяния — святой Симеон от утра до девятого часа стал пребывать в затворе, беседуя только с единым Богом.

В сие время Господь открыл угоднику Своему о приближающейся кончине духовного отца его, и он послал к старцу возвестить ему о сем. Блаженный старец, присно имея в уме память смертную, не смутился от сей вести, хотя она была и неожиданна. Собрав к себе братию и преподав им последнее наставление и убеждение подражать своей жизнью святому Симеону, а на него призвавши благословение Божие, он тихо и безболезненно отошел из сего мира и приложился к святым отцам.

По преставлении преподобного старца, наставника своего, святой Симеон вдавал себя еще на большие труды. Обыкновенный образ жизни его был таков: от утра до девятого часа он проводил в молитве, от девятого до захождения солнца упражнялся в чтении Писания, по захождении солнца подкреплял себя малым количеством пищи, а потом снова начинал молитву и проводил в ней всю ночь; на рассвете успокаивался на краткое время сном, похожим не столько на действительный сон, сколько на дремоту, и восстав, опять начинал обычное свое правило; а часто многие дни и ночи проводил и совсем без сна, препобеждая, сколько мог, требования природы.

Но чем более преуспевал преподобный в подвигах добродетели, тем сильнее и сильнее восставал против него завистник всякого добра, не терпя зреть таких подвигов. Все мечтания и страхования свои преиспытал он против мужественного подвижника Христова. Но преподобный преодолел все страхования демонские, укрепляемый благодатью Божией, и затем утешен был от Господа неизреченным видением. Он видел небо отверсто и Господа Иисуса Христа, окруженного неизреченным светом. Два верховнейших архангела — Михаил и Гавриил стояли один одесную, другой ошуюю Его. Узрев сие, Симеон поклонился Господу и, простерши руки свои, молил, да по благодати своей подаст ему принести благие духовные плоды. В ответ на его молитву Господь благословил его трижды, и после сего ему дарована была полная власть над духами злобы, в ознаменование чего ниспослан был ему от Господа жезл финиковый. С сего времени преподобный столько страшен стал для демонов, что они уже не смели прикасаться к нему.

Скоро за сим последовало другое подобное видение. Преподобный Симеон видел Господа Иисуса, окруженного предстоящими пред Ним ангелами: первейшие из них держали царский венец, на верху которого блистал крест, и хотели тем венцом венчать Симеона на царство. «Не отнимайте у меня власяницы, в которую я облекся ради Христа», - говорил им преподобный в чувстве благоговейного смирения и глубокого сознания своей немощи. «За сию-то власяницу и уготован тебе венец сей», — ответствовали ему ангелы. Затем блаженный Симеон возымел дерзновение просить у Господа, чтобы не приобщаться ему более земной пищи. Господь соизволил его прошению, и отселе он до самой кончины своей не вкушал уже земной пищи, а был питаем небесной пищей, которую приносил ему ангел.

Удивив милость Свою на преподобном, как в подвигах его, так и в видениях, бывших ему, Господь еще яснее удивил милость Свою на нем в знамениях и чудесах, которые даровал совершить ему. Являясь ясно и в видениях всем призывающим его, он помогал всем находившимся в бедах на земле и на море — отверзал зрение слепым, очищал прокаженных, изгонял бесов от людей, заграждал уста зверям, исцелял всякий недуг и всякую язву в людях, даже воскрешал мертвых, так что над ним вполне сбылось обетование Господа: Веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит (Ин. XIV, 12). Не менее прославил Господь угодника Своего и даром прозорливости. По откровению Божию он предвозвещал будущее, как настоящее, провидел отдаленное, как бы присущее ему, и прозирал тайные дела и помышления.

Чудотворения, совершаемые преподобным Симеоном, и исцеления, подаваемые по молитве его недужным, пронесли не только по всей стране, где он жил, но и по соседним странам, и отовсюду стекалось к нему безчисленное множество народа, чтобы видеть великого чудотворца и получить от него или назидание или исцеление от недугов, так что ему нельзя уже было по-прежнему хранить безмолвие. Поэтому преподобный восхотел оставить столп свой и переселиться на другое, более пустынное место. Невдалеке от места его подвига находилась другая гора, совершенно пустая и безводная — на сию-то гору хотел переселиться угодник Божий. Господь в видении одобрил его желание, предсказал, что отселе прозовется эта гора Дивною, потому что на ней Он еще более удивит милость Свою в нем, и указал ему холм и камень, на котором он должен стать. Святой Симеон перешел на указанное ему Господом место; и Господь еще более благоволил удивить милость Свою к нему в знамениях и чудесах на пользу приходивших к нему. От сих-то чудес гора, на которой подвизался он, стала называться, по предречению Господню, Дивною горою, а сам святой угодник прозван Дивногорцем. По повелению Божию святой Симеон устроил на сей горе

монастырь для братии и церковь, а для себя поставил новый столп, на который снисшел Сам Господь и освятил его. На сем столпе подвизался преподобный до самой кончины своей. И здесь он не оставлял обычных своих трудов и подвигов во славу Божию и достиг такого совершенства, что удостоился, как второй Моисей, ходатайствовать пред Богом за целый народ. Так, во время смертоносной язвы в стране той, он со слезами молил Бога, да отвратит праведный гнев и помилует народ Свой. «Почто сокрушаешься сердцем о людях сих? — был к нему глас от Господа. — Ужели ты любишь их более, нежели Я?.. Но умножились беззакония их, и потому нужно для них вразумление наказанием... Впрочем, чтобы не опечалить тебя, даю тебе власть исцелять их от язвы». Такой нравственной высоты достиг сей святой муж, что Господь беседовал уже с ним, как бы со Своим другом... Здесь же по повелению Божию он принял рукоположение во иерея от Дионисия, епископа Селевкийского, пришедшего нарочито для сего в монастырь его, по откровению от Господа.

Преподобному Симеону открыто было время отшествия его из сей жизни. Собрав пред кончиной своей братию и преподав им последнее наставление и благословение, он предал душу свою в руке Божий на 75 году своей жизни, в час вечерний, в который обыкновенно принимал пищу, приносимую ему ангелом. Время кончины его относят к 596 г. по Р.Х. Так, «вышних желая, дольняя отложив, и яко небо столп соделавый, и тем облистав чудес зарею» (кондак преподобному), прешел к небесным чертогам насыщаться с ангелами видением лица Божия в безконечном царствии Его — святой угодник Божий!

Дивен Бог во святых Своих, удивляя на них милость Свою; дивен Господь и в нас грешных, являя по благодати Своей среди нас и из среды нас такие высокие образцы совершенства, дабы мы, взирая на скончание жития их, старались по мере слабых сил своих подражать примеру святого жития их.

Преподобный Алипий столпник

Алипий был сын благочестивых родителей, живших в Адрианополе Пафлагонском в VI столетии. Еще до рождения его мать имела таинственное возвешение о нем, что просияет он в мире, - увидав во сне, что она держит на руках агнца, на рожках которого горели две зажженные свечи... Лишившись мужа, когда Алипий был еще в детском возрасте, мать поручила воспитание его блаженному Феодору, епископу того города. Этот благочестивый муж, научив отрока Священному Писанию, еще более позаботился о том, чтобы внушить ему усердие к исполнению того, чему учит слово Божие, в чем и успел. Замечая необыкновенный разум, кротость и благочестие Алипия, епископ посвятил его во диакона. Недолго, однако же, оставался он в этом сане в служении церкви, его больше привлекала безмолвная и уединенная жизнь. И вот, испросив согласие своей матери и раздав свое имение бедным, Алипий удалился за город и поселился в пустынном месте, в одной из бывших здесь эллинских гробниц. Это место почиталось страшным в народе, его все обегали, и Алипий не избежал искушений от страха, нападавшего на него при непривычном уединении, но он был успокоен видением ангела, сказавшего ему: «Там место свято, где человек, любящий Бога, захочет жить богоугодно...»

Над гробницей, в которой поселился Алипий, был каменный столб с идолом наверху; разбив этого идола, пустынный заменил его крестом. Приготовив свою душу немалым подвижничеством, Алипий, уединение которого нарушалось только знаменательными божественными видениями, извлек из них указание устроить на этом месте храм во имя святой Евфимии, которая также являлась ему в сновидениях. Сам же пожелал усилить свой подвиг стоянием на столпе и в продолжение 53 лет переносил, не сходя с него, все перемены воздушные, всякое утомление и болезнь, только за 14 лет до кончины, когда от стояния ноги его покрылись язвами, он уже не мог стоять, но лежал, страданиями своими и терпением, и благодарением Бога за все напоминая Иова...

Множество народа стало стекаться в это место, прежде страшное, а теперь прославленное подвигами столпника и немалыми чудесами, даром которых Бог удостоил его. Иные желали селиться близ его жилища и со временем устроили тут мужской и женский монастыри.

Алипий скончался 118 лет отроду в 640 году, в царствование Ираклия. Житие его, описанное учеником его, свидетельствует в сочинителе современника и соотечественника святому; так, например, описывая возвращение Алипия в отечество, он говорит: «Богу угодно было явить нам такую милость, что Он даровал спасительный плод тому самому городу, в котором он возрос». В конце жизнеописания молится ему: «Призри на нас и сжался над нами, которых ты собрал и оставил сиротами».

Церковь воспеваает преподобному Алипию: «Терпения столп был еси, ревновавый праотцем преподобие, Иову во страстех, Иосифу во искушениях и безплотных жительству, сый в телеси; Алипие, отче наш, моли Христа Бога спастися душам нашим!»

Преподобный Феодосии столпник*

Вот что рассказал преподобный Феодосии столпник о своей жизни и подвигах святителю Феодору, епископу Едесскому. «Нас было двое братьев. Старшего из нас звали Иоанном. Еще в ранней молодости постигли мы суету мирскую, покинули мятежный мир и начали жить в монастыре. Пробыв в нем около трех лет, мы начали помышлять о пустынном уединении; отец наш духовный дал свое согласие на это и благословение, и мы поселились недалеко от Вавилона в прилегающей к нему пустыне. Жили мы в двух отдельных пещерах, питались плодами и кореньями, росшими в пустыне, и молились целый день. По субботам и воскресеньям мы сходились с братом для общей молитвы, а потом снова на остальные дни недели возвращались в свои пещеры. Так прошло несколько лет. Однажды, собирая в пустыне травы, я увидел издали брата моего Иоанна, занимавшегося тем же. Вдруг я заметил, что он остановился, как будто рассматривая что-то с изумлением, постоял немного в раздумье и потом, перекрестясь, перескочил через то место и поспешно побежал к своей пещере. Все это показалось мне странным. Я подошел к тому месту, где только что был брат, и с изумлением увидел груды рассыпанного золота. Помолвившись, я снял с себя верхнюю одежду и высыпал в нее найденный клад. С трудом дотащил я свою ношу до пещеры и на другой день, не повидавшись с братом, отправился в город. Там я соорудил церковь, устроил монастырь и при нем больницу и странноприимный дом, обеспечив дальнейшее существование их значительным вкладом, а остальные деньги раздал бедным, не оставив себе ничего. Очень довольный всем сделанным мною, я пошел обратно в пустыню. Дорогой в мой ум стали вкрадываться высокомерные мечты: вот, думал я, какое я совершил великое и богоугодное дело, между тем как брат, прежде меня увидевший клад, не сумел воспользоваться им. Занятый подобными гордыми мыслями, я уже приближался к пещере, в которой жил брат. Вдруг я увидел пред собою ангела, который обратился ко мне с укоризной: «Почему ты тщеславишься и гордым помыслом возносишься над братом твоим? Воистину говорю тебе, что все дела твои не стоят того чувства, которое побудило брата твоего перескочить через золото. Не через груды золота перескочил он, но через ту бездну, которая утвердилась убогим Лазарем и гордым богачом, и лоно Авраама ждет его. Его подвиги несравненно выше твоих пред Богом. В этой жизни ты его уже не увидишь более, но постарайся раскаянием и молитвою умилоустивить Господа». После этих слов ангел сделался невидим. Я дошел до пещеры; она была пуста, брат оставил ее. Я громко зарыдал. В неутешной скорби, которая не развлекалась ничьим

* Прп. Феодосии Антиохийский.

присутствием, я провел семь дней и вдруг услышал, как бы издалека, знакомый голос ангела, повелевавший мне идти в Едессу. Я пришел сюда и избрал теперешний образ жизни, надеясь добровольным трудом загладить свое преступление. Сорок девять лет я провел на этом столпе, не зная душевного покоя, нося в сердце своем безутешную скорбь. В пятидесятый год, однажды в субботу вечером, я почувствовал, что какой-то тихий свет засиял в душе моей и разогнал прежний мрак. Целую ночь провел я без сна, молясь усердно и не переставая проливать слезы умиления и радости. Настало воскресное утро, - я все еще молился и пел духовные песни... Вдруг увидел перед собою ангела. «Мир тебе и спасение», — сказал он мне. Я пал к ногам его и сказал ему: «Зачем отверг ты меня от лица твоего и разлучил меня с братом?» Ангел взял меня за руку, поднял и ответил: «За гордость твою и за то, что ты в мыслях уничижил брата, я отступил от твоих очей. Но не думай, чтобы я совсем оставил тебя: я был невидимо с тобой и охранял тебя. Ныне же Господь, видя раскаяние и смирение твое, простил тебя и послал меня, чтобы я был с тобою и в сем веке и в будущем. Брат твой жив и непрестанно молится о тебе, но ты увидишь его только в будущей жизни».

Таков был рассказ святого подвижника, который в течение полустолетия оплакивал грех свой и изнурял себя всевозможными лишениями, стоя на столпе.

Преподобный Никита столпник, Переяславльский чудотворец

Идеже умножися грех, преизбы точествова благодать (Рим. V, 2). Вот каким образом безпредельная и долготерпеливая любовь Божия извлекает людей из бездны греховной и приводит в объятия спасающей благодати! Что это значит и как это бывает, что возрастающая тяжесть беззаконий человека приобретает ему избыток божественной благодати? Так же, как тяжесть рабства увеличивает цену свободы в глазах раба и побуждает его желать сего блага; так же, как усилившаяся болезнь скорее побуждает больного искать врача и врачевства, нежели болезнь слабая. Тайна беззакония, содеваемая в человечестве лукавым врагом человеческого спасения, потому, между прочим, и называется тайною беззакония (2 Сол. II, 7), что она сколько возможно закрывается от взоров человека хитрым деятелем ее, и человек, явно работающий этой губительной тайне, часто и долго не видит или не сознает, что он работает для своей гибели. С другой стороны, и совесть падшего человека такого несчастного свойства, что готова оправдывать и извинять все грехопадения человека или представлять их грехами маловажными и безопасными, так что грешный человек, внимая лукавому голосу совести, может даже безпечно покоиться мыслью на мнимой своей праведности. Таким образом, бывает, что человек всеми силами души и тела живет и действует для греха, но не сознает того: грех прикрывается лукавым врагом нашим благовидным покровом прелести, удовольствия, пользы, нужды житейской и т.п.; совесть препятствует взору заметить и прозреть сквозь этот покров в ту бездну, около которой он ходит. Где нет сознания греховности, там нет и не может быть покаяния во грехах, там нет и благодати очищения и освящения, потому что ее не ищут, о ней не просят. Это состояние грешника похоже на то нравственное усыпление или безчувствие, которое именуется тайнозрителем в нравственном смысле и бедностью, и нищетой, и слепотой, и наготою (Откр. III, 15-18). Чем извлекает грешника всемогущая любовь Божия из такого состояния? У всемогущей премудрости Божией много различных средств для этого, и одно из них состоит в том, что Бог попускает идти грешнику далее по пути порока и беззаконий (Римл. I, 21-32), чтобы он сам увидел, наконец, ту опасность гибели, к которой привел его путь греха, и то нравственное безобразие, которым покрывается грехолюбивая душа, чтобы сам пожелал освободиться от такого положения, сам сознал свое бессилие в этом деле и пожелал помощи высшей силы. Бывает, что долго человек идет несчастным путем сим, блуждая по распутиям греха, пока вдруг или мало-помалу не сотрясет Господь греховной совести среди распутий ее грехопадений и не заставит таким образом с ужасом оглянуться на пройденный путь нечестия. Тогда раскрываются пред взором совести все душевные раны, вся мерзость прошедших дел, вся тяжесть совершенных

злодеяний, и она, раскаиваясь в прошедшем, хотела бы начать путь другой, лучший прежнего; тогда благодать Божия, назиравшая за грешником в путях его беззаконий, приемлет кающегося, нисходит в отверстую, смиренную его душу. Больной сознал свою болезнь и ищет врачевства; узник познал тяжесть своей неволи и темничного мрака и рвется к свету и свободе, и Небесный Врач, давно ожидавший такого сознания от больного, спешит к нему для исцеления душевных язв его, приемлет его и изводит из неволи и тьмы греховной к свободе и свету чад Божиих. По мере того, как взор кающегося грешника чаще и с большим вниманием обращается к обзору прошедшей жизни, в нем возрастает, умножается сознание своей греховности, своей виновности пред Богом, расширяется чувство раскаяния, возрастает желание примирения с правосудием Божиим, а где умножается сознание греховности, чувство раскаяния, туда, естественно, с большим избытком нисходит очищающая и оправдывающая благодать милосердного Бога, *не хотящего, да кто погибнет, но да еси в покаяние приидут.* Вот как бывает, что, где умножится грех, там избыточествует благодать; с умножением греха умножается сознание греховности и желание спасающей благодати.

Таким путем милосердый и долготерпеливый Господь вел всех язычников до пришествия Христа Спасителя к принятию Его благодати искупления и спасения; таким путем возвращал Господь и многих христиан с путей порока и беззаконий на путь добродетельной и святой жизни; так Господь извлек из бездны грехов, неправд и злодеяний и воспоминаемого ныне преподобного Никиту, отечественного столпника, Переяславльского чудотворца, и возвел его на высоту чудных подвигов и святой жизни.

Местом рождения и жительства Никиты был Переяславль Залесский (ныне город Ярославской губернии). Отношения и связи житейские поставили его в близкое знакомство с городскими судьями и прочими лицами, заведующими сбором разных городских повинностей и доходов. Никита сам желал сего и старался скрепить сии узы узами дружбы с нечистой целью - извлекать из этих связей больше выгод и корысти для собственной пользы. Опираясь на тесную связь с судьями народа и надеясь чрез покровительство судей лицеприятных избавиться от суда и наказания, обижал и притеснял людей безнаказанно, причинял насилие слабым, чтобы мздоимством с них удовлетворить своему корыстолюбию. Все это делал Никита-христианин без страха Божия, без любви христианской к ближним, без сострадания к слабым, страдавшим от его обид и притеснений. Милосердый и долготерпеливый Господь терпел неправдам его и не наказывал по Своему правосудию того, кто не боялся суда человеческого. Он оставил его идти путем неправды, ожидая времени его вразумления, покаяния и исправления. Жизнь Никиты клонилась к старости, а он не преставал творить неправды и обиды людям из корыстолюбия, так что несправедливое мздоимство стало

обычным промыслом его жизни, и он не заботился ни о каких других средствах своего содержания. Наконец, Господь восхотел сотрясти греховную и безчувственную совесть неправедника, возбудить в ней сознание неправд и чувство раскаяния и обратить грешника на путь правды.

Разными способами Господь сотрясает души грешников. В сем случае в самом роде неправд беззаконного Никиты, которого промысел жизни походил на грабеж и человекоубийство, чудодейственная сила Божия, спасающая людей, нашла случай к вразумлению беззаконника. Однажды жена его варила по обычаю в котле пишу и с изумлением и страхом заметила, что кровавая пена покрывала варившуюся пишу, а в кипящем котле показывалась вместо мяса то голова, то рука, то нога человеческая. Устрашенная жена сказала об этом своему мужу. Совесть грешника содрогнулась от такого чудесного вразумления его; он уразумел смысл явления, и ему живо представилась вся прошедшая неправедная жизнь, в которой он питался пищей неправды, снискиваемой человеконенавидением, которое равно человекоубийству (I Ин. III, 15). Пробудилось в нем раскаяние, овладел им страх суда Божия, и он положил в сердце своем благую мысль — загладить беззакония жизни подвигами покаяния и молитвы, пока милосердию Божию угодно будет продлить жизнь его. Оставив дом и жену, он пошел в ближайший от города монастырь, чтобы провести там дни покаяния и молитвы. Игумен монастыря того, полагая, что глубокий старик, каков был Никита, ищет не иноческой жизни, а одного призрения старости в тихой обители монастырской, отказал ему в его желании. При сем случае совесть Никиты еще более содрогнулась и мучила угрызениями грешника, которого не принимают в обитель молитвы и покаяния. В чувстве глубокого раскаяния он пал пред воротами монастырскими и всем входящим и исходящим исповедал грехи свои; потом, снявши с себя одежды, повергся в болотистое место и там предал свою плоть, питавшуюся чужим брашном, на съедение разным насекомым и гадам, так что от угрызения их ручьями текла кровь из ран его. Видя это, игумен принял Никиту в монастырь и удостоил его иноческого сана. Предавшись подвигам покаяния, преподобный Никита, как бы в ознаменование тяжести беззаконий своей прошедшей жизни, возложил на себя тяжелые вериги и без сна проводил дни и ночи, пребывая в молитве и посте. Желая больших подвигов покаяния, преподобный создал себе столп и взошел на него для умерщвления в своей плоти земных пожеланий и страстей и для возношения духа к Богу с молитвой покаяния.

По мере того, как с продолжением сих подвигов тяжесть прежних беззаконий представлялась все в большем и большем свете преподобному подвижнику, душа его все более и более расширялась в чувствах умиления, сокрушения и покаяния, и благодать Божия в таком

избытке наполнила душу его, что видимым образом обнаруживала свое присутствие в нем, совершая чрез него чудесные знамения: преподобный Никита силой обитающей в нем благодати исцелял недужных, притекавших к столпу его.

Наконец, когда пришло время переселения преподобного Никиты в небесные обители, правда Божия допустила праведнику еще одним огнем искустись и очиститься от прежних неправд, которыми он отягощал ближних своих: без вины возлагавший неправедные руки свои на стяжания других, без вины умерщвлен был от рук любостязательных убийц смертью мученика. Сребролюбивый во дни грехов своих, преподобный столпник убит был сребролюбивыми людьми, которые, пришед к нему за благословением, прельстились блестящими от подвигов молитвы веригами его, почитая их серебряными. Это было в 1186 году.

Отшельники

Преподобный Павел Фивейский

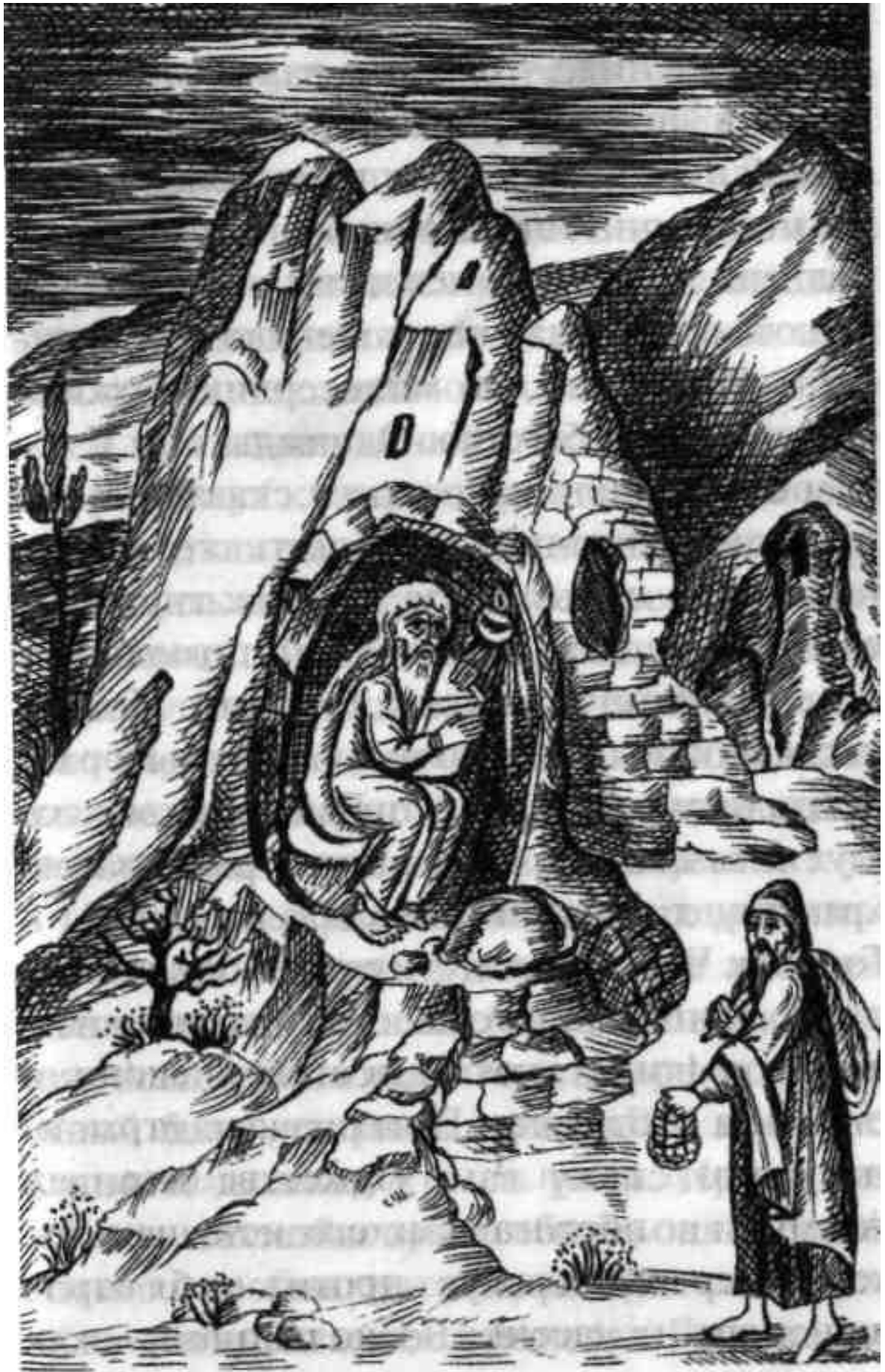
Когда начался и как продолжался подвиг святого отшельничества? Стезя святого отшельничества открыта в III веке, и первым пустынножителем христианским почитается святой Павел Фивейский, родившийся около 228 года. Жизнь этого сокровенного угодника до встречи его с преподобным Антонием никому неизвестна. В житии преподобного Антония рассказывается, что когда ему исполнилось девяносто лет, в нем зародилась мысль: «кроме меня, нет другого отшельника в пустыне». Но тогда же небесный голос указал ему в отдалённых краях той же пустыни совершеннейшего пустычника - святого Павла Фивейского. Антоний не медля отправился в неведомый путь и на третий день достиг по следу гиены уединенного вертепа, в котором подвизался святой отшельник. Умилительно было свидание двух великих подвижников, и сколько радостно для одного, столько же горестно для другого, ибо после трогательной беседы святой Павел объявил преподобному Антонию: «Так как наступило время моего успения, то ты послан Богом покрыть тело мое землею». С воплем и слезами умолял преподобный Антоний святого Павла взять его с собой, но Павел возразил: «Тебе еще надо жить для пользы братии твоей. Иди и для облачения моего принеси одежду, которую подарит тебе Афанасий Великий». Антоний повиновался и с быстротою юноши совершал уже обратный путь в сладостной надежде услышать хотя одно слово из уст ангела, как увидел, что душа Павлова возносится святыми ангелами на небо. «За что ты меня покинул? Почему не дал последнего целования?» — воскликнул в слезах Антоний, спеша к уединенной пещере, в надежде увидеть кончину праведника; но определение Божие уже совершилось: на земле осталось одно бездыханное тело, а святая душа воспарила в райские селения. Святой Павел кончил жизнь свою на 113 году, а в пустыне безысходно подвизался 90 лет.

Преподобный Антоний

Преподобный Антоний родился в среднем Египте, в селении Кома, близ Гераклеополя Великого, в 251 году, от благородных и благочестивых родителей. Желая сохранить в чистоте сердце сына своего, родители Антония не позволяли ему никуда отлучаться из дома, кроме церкви. Потому Антоний не получил ученого образования. Но, по словам Афанасия, он дома внимал чтению и душеспасительным чтением укреплял в себе любовь к благочестию и страх Божий. Двадцати лет он сделался сиротой, лишившись отца и матери, и должен был принять на себя попечение о малолетней сестре. Но заботы домашние не ослабили в душе Антония ревности к благочестию. Он находил всегда свободное время для того, чтобы присутствовать при богослужении в храме. Однажды, идя в храм, он размышлял о том, как апостолы, оставив все, последовали за Спасителем, как первые христиане полагали к ногам апостолов все, что имели. С такими мыслями он вошел в храм и услышал слова Евангелия: *Аще хочещи совершен быти, иди продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси* (Мф. XIX, 21). Антоний в сих словах слышал голос с неба, относившийся к нему. Возвратясь домой, он немедленно продал свое имущество и раздал его нищим, оставив для содержания сестры небольшую часть. Но, услышав в другой раз в церкви слова Спасителя: *Не пецытеса на утрей* (Мф. VI, 34), Антоний раздал нищим и оставшееся у него и, поручив сестру свою знакомым и благочестивым девам, сам решился вдали от мира подвизаться для единого Бога.

Подобно другим подвижникам, Антоний поселился сначала вблизи селения и отдался под руководство одного благочестивого подвижника, старца, с юности проводившего уединенную жизнь. Он посещал и других отшельников, как умная пчела, по словам Афанасия, унося с собой драгоценнейшую пищу, — то, что находил лучшего и совершеннейшего в их образе жизни. Потом он поселился один, подальше от селения, заключившись в гробнице, как живой мертвец. Пищей его был хлеб с солью, а питием вода, и то он вкушал однажды в день по захождении солнца, а иногда через два дня и даже через четыре дня; одеждой его была грубая власяница, ложем - сухой тростник, а иногда и голая земля. Пропитание себе добывал Антоний рукоделием, которое брал у него благочестивый мирянин, и взамен того приносил пищу.

Много искушений перенес Антоний в первые годы своей подвижнической жизни. Часто в душе его возникала мысль о трудности и суровости отшельнической жизни и о тех удовольствиях, которые соединены с богатством и славой мирской. Иногда возникали нечистые пожелания плоти и в ночных видениях являлись искусительные образы.

Но пламенной любовью к Богу, строгим постом и бдением он очищал свое сердце и вначале отражал искушения врага. Чем мужественнее был Антоний в постигавших его искушениях, тем более усиливались против него нападения врага спасения. «Сколько раз, — так рассказывал сам Антоний своей братии для назидания, — сколько раз грозные демоны в виде скорпионов, лютых зверей и змей окружали меня и наполняли жилище мое, точно готовые на брань воины, а я пел: сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся, и тотчас они, по милосердию Божию, обращались в бегство. Однажды они в ярком свете явились ко мне и сказали: «Мы пришли, Антоний, сообщить тебе свет наш». А я закрыл глаза, так как гнушался смотреть на свет дьявольский, помолился, и немедленно исчез свет лукавый. Потом, когда они пели передо мною псалмы и рассуждали между собой о Писании: *Аз яко глух не слышах*. И когда они потрясали мою храмину, я спокойно воссылал молитвы к Господу. Часто злые духи производили шум около меня, часто скакания, часто свист; я пел псалмы, а их крики обращались в стоны и рыдания. Поверьте, чада мои, тому, что скажу вам. Однажды я видел диавола в образе высочайшего человека, который, дерзнув назвать себя провидением и силой Божественной, сказал мне: «Чего хочет от меня Антоний?» Я плюнул ему в лицо, устремился на богохульца, и тотчас этот великан исчез. Когда я постился, он предстал мне с хлебами и так склонял меня к принятию пищи: «И ты человек и также обложен немощью, вкуси сей пищи и отдохни немного от трудов, чтобы не сделаться больным». Я узнал в сем соблазнительный образ змия, и когда прибегнул к защите Христовой, он исчез из окна, как дым. Нередко покушался он прельщать меня златом, которое для того и приносил, чтобы или обольстить мои глаза, или осквернить мои руки. Не умолчу и о том, что часто демоны поражали ударами мое тело, а я пел: никтоже разлучит от любви Божия, яже о Христе Иисусе».

Однажды приносивший Антонию пищу нашел его почти мертвым от множества ран, нанесенных ему рукой врага. Он взял Антония из гробницы и перенес в дом одной благочестивой вдовы. Все знавшие Антония думали, что он умер. Пришед в себя ночью, он попросил брата опять отнести его в гробницу и там, не имея сил стать на молитву, он лежа призывал Господа на помощь. Во время молитвы Господь Своим явлением утешил подвижника, и он почувствовал себя здоровым. «Где Ты был, благий Иисусе? — воззвал к явившемуся Антоний.

Почто вначале не пришел Ты прекратить мои страдания?» — «Антоний! Я был здесь, сказал Господь, — и ждал, доколе не увижу твой подвиг: добре ты подвизался. Я всегда буду твоим помощником и соделаю имя твое славным повсюду».

Однажды два беса сговаривались между собой, как бы ввести в искушение великого подвижника. Один из них сказал другому: «Брат Зерефер, как ты думаешь: если бы кто-нибудь из нас вздумал покаяться, то примет ли от него Бог покаяние или нет?» Зерефер отвечал: «Кто же может знать о том, кроме старца Антония, который нас не боится! Хочешь ли я пойду к нему и спрошу его об этом?» - «Иди, иди, — сказал ему другой бес, - только смотри, будь осторожен: старец прозорлив, он поймет, что ты искушаешь его, и не захочет спросить о сем Бога; впрочем, иди, может быть, тебе и удастся получить желаемый ответ». Бес Зерефер принял на себя человеческий образ, пришел к старцу и начал пред ним горько плакать и рыдать. Богу угодно было утаить от святого старца притворство бесовское, и преподобный принял пришельца за простого человека и с участием спросил его: «О чем ты так плачешь, что и мое сердце сокрушаешь своими горькими слезами?» Бес отвечал: «Отец святой! Я не человек, а просто бес по множеству беззаконий моих!» Старец, думая, что пришелец по смирению называет себя бесом, сказал ему: «Чего ты от меня хочешь, брат мой?» - «Об одном умоляю тебя, отче святой, — говорил бес, - помолись Богу, чтобы Он открыл тебе, примет ли Он покаяние от диавола или отвергнет его? Если примет от него, то примет и от меня, ибо и я повинен в тех же грехах, в каких он». Старец сказал ему: «Приди завтра, я скажу тебе, что Господь мне откроет». Наступила ночь; старец воздел преподобные руки свои на небо и стал умолять Человеколюбца Бога, дабы открыл ему, примет ли Он покаяние диавола. И вот предстал ему ангел Господень и сказал: «Так говорит Господь Бог наш: «Почто умоляешь ты за беса державу Мою? Он только искушает тебя...» Старец сказал ангелу: «Почему же Господь не открыл мне сей хитрости бесовской?» Ангел отвечал: «Не смущайся сим; тут было особенное намерение Божие, чтобы не предавались отчаянию грешники, много беззаконий соделавшие, а приносили покаяние пред Богом и знали, что Бог никого не отвергает к Нему притекающего, если бы даже и сам сатана пришел к Нему с истинным раскаянием; притом Бог не открыл тебе бесовского лукавства еще и для того, чтобы обнаружилось демонское ожесточение и отчаяние. Итак, когда придет к тебе искушитель за ответом, то не отвергай его, а скажи: видишь, как милосерд Господь: Он не отвращается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел; Он и тебя обещает принять, если только исполнишь ты поведенное от Него. А когда он спросит тебя, что ему поведено от Бога, скажи ему: «Так говорит Господь Бог: знаю я, кто ты и откуда пришел с искушением, ты — злоба древняя и не можешь быть новой добродетелью, ты изначально начальник зла и ныне добра делать не начнешь; ты ожесточился в гордости, и как ты можешь смириться в покаянии и получить помилование? Но чтобы ты не оправдывался в день судный, чтобы не говорил: я хотел покаяться, но Бог не принял меня — се Благий и Милосердый Господь определяет тебе, если только сам

захочешь, такое покаяние. Он говорит: стой три года на одном месте, обратясь лицом к востоку, и день и ночь взывая к Богу: Боже, помилуй меня - злобу древнюю! и повторяй сие сто раз; потом говори: Боже, помилуй меня — прелесть помраченную! и это также сто раз; и еще: Боже, помилуй меня — мерзость запустения, опять стократно. Так взывай к Господу непрестанно, ибо ты не имеешь состава телесного, а потому не можешь утрудиться или изнемочь. Вот когда сие исполнишь со смиренномудрием, тогда будешь возвращен в твой прежний чин и сопричтен к ангелам Божиим». И если бес обещается сие исполнить, то прими его в покаяние, но я знаю, что злоба древняя не может быть новой добродетелью», — так изрек ангел и восшел на небо. На другой день пришел и диавол и еще издали начал рыдать голосом человеческим. Он поклонился старцу, и старец, не обличая его коварства, сказал ему так, как повелел ангел, — и что же? Зерефер в ответ на его речи громко захохотал и сказал: «Злой чернец! если бы я захотел назвать себя злобою древнюю, мерзостью запустения и прелестью помраченную, то уже давно бы это сделал и уже был бы спасен; ужели ты думаешь, что я теперь назову себя древнюю злобою? Никогда этого не будет. И кто это тебе сказал? Да я и поныне у всех в большом почете, и все со страхом повинуются мне, а ты вообразил, что я назову себя мерзостью запустения или прелестью помраченную? Нет, чернец, никогда! Я еще царствую над грешниками, и они любят меня, я живу в их сердцах, и они ходят по воле моей; да чтобы я стал рабом непотребным ради покаяния... нет, злой старик, никогда и ни за что! Никогда я не променяю своего почетного положения на такое безчестие!» Сказал сие диавол и с воплем исчез. А старец стал на молитву и, благодаря милосердие Божие, говорил: «Истинно слово Твое, Господи, что злоба древняя не может быть новой добродетелью, и начальник всякого зла не будет делать добра».

Проведши около пятнадцати лет подвижнической жизни вблизи селения, утвердившись в духовной жизни долгим рядом искушений, Антоний, давно жаждавший совершенного уединения, где бы никто и ничто не нарушало его безмолвия, начал склонять своего старца-наставника удалиться с ним в пустыню. Но преклонные лета сего подвижника, необычайность для того времени намерения Антония заставили отказаться от сего предложения. Антоний, имея отроду тридцать пять лет, в 285 году, оставив обитаемые места, перешел Нил и на восточном берегу его, в запустевшем укреплении избрал себе место для жительства.

Здесь, вдали от всех людей, без наставника и сотрудника, Антоний прожил около двадцати лет. Чего не вытерпел он в продолжение этого времени! «Поистине, — говорит святой Афанасий, — достойно удивления, что один человек, живя в дикой пустыне, не боялся ни ежедневных нападений диавола, ни свирепости безчисленных зверей, ни вреда от

пресмыкающихся животных. Часто приходилось ему терпеть голод, жажду, холод и зной. Чем он был свободнее от внешних соблазнов, тем более духовная борьба его сосредоточивалась внутри, в области помыслов. Иногда сомнения колебали его душу. Сознвая чистоту своих стремлений и представляя множество скорбей и искушений, которым подвергался, Антоний вопрошал Бога: «Господи! для чего одни умирают в молодости, а другие живут до глубокой старости? для чего одни бедны, а другие богаты? для чего нечестивые богаты, а благочестивые бедны?» Но Господь не оставлял верного раба Своего. Он услышал голос: «Антоний, себе внимай! А то — суды Божий и тебе нет пользы испытывать их». Но искушение иногда до того доводило подвижника, что он впадал в уныние и, обуреваемый помыслами, недоумевал, что делать ему, дабы спастись. «Господи, — взывал он, — я хочу спастись, а помыслы не дают мне. Что мне делать в своей скорби и как спастись?» Произнесши сию молитву, Антоний пошел в пустыню, и вот видит кого-то, похожего на себя, который сидел и работал, потом вставал из-за работы и молился, после опять сел и вил веревку, далее опять встал на молитву. Это был ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И ангел сказал ему вслух: «И ты делай так и спасешься». Услышав сие, Антоний обрадовался и ободрился. Стал так делать и спасался. Упражняясь днем в рукоделии, ночи Антоний любил проводить в молитвах. «Солнце, — говорил он при восхождении его, — зачем ты хочешь развлечь мои мысли своими лучами, тогда как ты должно бы восходить для того, чтобы подкрепить меня сиянием истинного света?»

В течение двадцати лет подвижничества уединение Антония только на краткое время было нарушаемо усердными посетителями. Заградивши вход в свою пещеру, он только чрез малое отверстие беседовал с приходившими. Но настало время, когда он должен был сделаться отцом и руководителем других.

Толпами стал стекаться к нему народ, когда он открыл к себе доступ. Чудодейственной силой веры он врачевал, а словом своим утешал печальных, учил неразумных, укрощал гневливых, внушал любовь ко Иисусу предпочитать всему. Он представлял величие будущих благ, безконечное милосердие Божие, не пощадившее для спасения нас Своего Единородного Сына. Слово Антония, солию растворенное, столь сильно действовало на сердца приходивших к нему в пустыню, что многие из них, презрев жизнь мирскую, тут же решались проходить вместе с Антонием пустынную жизнь. Антоний открыл к себе доступ в то время, когда в Египте, как и в других странах Востока, свирепствовало жестокое гонение Диоклетиана. Как ни любил Антоний свою пустыню, но участие к страданиям гонимых за святую веру превозмогло его любовь к уединению. «Поспешим, — говорил он, — к

славному торжеству наших братии, дабы или с ними сподобиться мученического венца, или, по крайней мере, посмотреть на их победу». Он пришел в Александрию. Не имея доступа к темницам заключенных, он пред судищем своими увещаниями подкреплял исповедников веры в мужестве и твердости, указывая им на будущее блаженство. Своими словами он проливал отраду в сердца их и в предсмертные минуты их жизни. Он сам рассказывал после Исидору пресвитеру, странноприимцу Александрийской Церкви, о мученичестве блаженной Потамины, как сладострастный господин предал ее в руки мучителя, чтобы страхом мучений склонить к удовлетворению своего нечистого пожелания. Мужественная дева лучше желала сгореть с смолою вскипяченною, нежели лишиться невинности, вместе умоляла лучше медленно опускать ее в котел, нежели, обнажив, ввергнуть в него вдруг.

Судия, удивляясь неустрашимости Антония и бывших с ним, дал повеление, чтобы никто из монахов не являлся на судилище и совсем не жил в самом городе. Многие из монахов удалились из города. Но безтрепетный Антоний на другой день встал на возвышенном месте, прямо пред глазами судии, когда он в сопровождении воинов шел на судилище. «Антоний, — говорит Афанасий, — желал и сам мученичества, но Господь сохранил сего мужа для нашего и общего для всех блага».

Возвратясь в свою пустыню, Антоний около себя собрал сонм другого рода мучеников — мучеников подвижничества. От монаха требовал Антоний полной нестяжательное. Один брат, отказавшись от мира и раздав свое имение нищим, оставил несколько денег для собственного употребления и пришел к Антонию. Узнав о сем, Антоний сказал ему: «Если ты хочешь быть монахом, то поди в такое-то село, купи мяса, обложи им нагое тело твое и так приди сюда». Когда брат это сделал, то собаки и птицы терзали тело его. По возвращении к Антонию, старец спросил его, исполнил ли его совет. Брат показал ему израненное тело свое. Преподобный Антоний сказал ему: «Так нападают демоны и терзают тех, которые, отрекшись мира, хотят иметь деньги».

Опытный подвижник Антоний знал, что усиленные подвиги иногда не безопасны бывают для души. «Есть люди, — говорил он, — которые изнурили тело свое подвижничеством и, однако ж, удалились от Бога, ибо не имели рассудительности». Потому в обращении с иноками он позволял и послабление. Один зверолов, увидев, что Антоний шутил с братией, соблазнился. Старец, подозревая его, сказал: «Положи стрелу на лук твой и натяни ее». Он сделал так. Старец говорить ему: «Еще натяни». Тот натянул еще. «Еще тяни», — сказал Антоний. «Если я чрез меру натяну лук, то он переломится», — сказал охотник. «Так, — сказал ему Антоний, — и в деле Божиим, если мы сверх меры будем напрягать силы братии, то они скоро

расстроятся. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии».

Желание быть совершенными во всем при начале подвижничества затрудняло многих из братии. Посему Антоний дал мудрое правило: «Кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему делать: косу, меч или топор. Так и мы наперед должны помышлять, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться».

Спросил некто авву Антония: «Что мне делать, чтобы угодить Богу?» Антоний отвечал: «Исполни, что велю тебе. Куда ты ни пойдешь, всегда имей пред очами своими Бога; что ты ни будешь делать, смотри, одобряет ли то Святое Писание, наконец, в каком месте ты ни будешь жить, не вдруг оставляй оно. Исполни сие и спасешься».

Говорил некогда авва Антоний авве Пимену: «Великое дело человека состоит в том, чтобы он всегда обнаруживал пред Богом грехи свои и до самой последней минуты жизни ожидал искушения».

Он же говорил: «Никто без искушения не может войти в Царствие Божие. Отними искушения, и не будет спасаемых».

Спрашивал некогда авву Антония авва Памво: «Что мне делать?» Старец сказал ему: «Не полагайся на твою праведность, не сожалеешь о минувшем и, наконец, воздерживай язык и чрево».

Сказывал однажды авва Антоний: «Видел я некогда все сети врага, распростертые по земле, и сказал с глубоким вздохом: кто избежит их? Но услышал голос, пришедший ко мне: *Смирение*».

Он же говорил: «Есть люди, которые весьма изнурили тело свое подвижничеством и, однако ж, далеко ушли от Бога, потому что не имели самоисследования».

Говорил также: «От ближнего зависит и жизнь и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то и Бога приобретаем, а если соблазняем его, то грешим против Христа».

И еще говорил: «Как рыба, оставаясь долго на суше, умирает, так и монахи, находясь долго вне своей келий или пребывая с мирскими людьми, теряют жизнь душевного мира. А потому, как рыба рвется в воду, так и мы должны спешить в свою келию, чтобы, замедляя вне оной, не забыть о внутренней страже».

Он же говаривал, что живущий в пустыне и уединении свободен от троякой брани: от брани с слухом, словом и зрением: ему предлежит только одна брань — с сердцем.

Услышал авва Антоний о некотором молодом монахе, что он сотворил чудо на пути. Именно, увидев некоторых путешествующих старцев в великом утомлении от пути, он велел явиться диким ослам и нести их до того места, где жил Антоний. Когда эти старцы сказали о том авве Антонию, то авва сказал: «Сей монах, мне кажется, есть корабль, исполненный богатством, но не знаю, дойдет ли он до пристани». Спустя несколько времени потом вдруг Антоний начал терзать на себе волосы и рыдать. Ученики говорят ему: «О чем ты плачешь, авва?» Старец отвечает им: «Великий столп Церкви теперь пал». Это говорил он о молодом монахе. «Но подите, — продолжал он, — сами к нему и посмотрите случившееся». Ученики пошли и нашли монаха сидящим на рогоже и оплакивающим соделанный им грех. Увидев учеников Антония, он сказал им: «Скажите старцу, чтобы он молитвой испросил мне у Бога десять дней жизни, и я надеюсь очистить грех мой». Однако же он не прожил и пяти дней — скончался.

Однажды братья хвалили авве Антонию одного монаха. Когда же этот пришел, то Антоний захотел испытать, перенесет ли он оскорбление, и когда нашел, что он не перенес, сказал ему: «Ты подобен селу, которое спереди цело и красиво, а сзади все разграблено разбойниками».

Один брат сказал авве Антонию: «Помолись о мне». Но старец сказал ему: «Ни я, ни Бог не сжалится над тобой, если ты сам не будешь стараться о себе и молиться Богу».

Пошли к авве Антонию братья из скита и, вошедши в корабль, чтобы отправиться к нему, нашли одного старца, который хотел отправиться в ту же сторону. Он не был знаком братьям. Сидя на корабле, братья говорили об изречениях отцов и Святого Писания, а также о своих рукоделиях. Но старец все молчал. Когда они приехали к берегу, то нашлось, что и старец плыл также для посещения аввы Антония. И когда они пришли к Антонию, то Антоний сказал братьям: «Хорошего вы нашли себе спутника!» Потом и старцу сказал: «Хороших и ты нашел себе братьев, авва!» Старец сказал ему: «Они хороши, но двор у них без ворот, а потому всякий, кому угодно, въезжает к ним на двор и распрягает осла своего». Сие говорил он потому, что они говорили все, что ни приходило в голову.

В обители аввы случилось некогда с одним братом искушение. Его оттуда выгнали, и он пошел на гору к авве Антонию. Антоний, подержав брата несколько времени у себя, послал его обратно в обитель, из которой он вышел. Но братья, увидев его, опять погнали прочь. Брат снова пришел к авве Антонию и сказал: «Не захотели принять меня, отец мой!» Антоний вторично послал его к ним с следующими словами: «Буря застигла корабль на море; он потерял много богатства и едва в целости достиг

берега, а вы хотите потопить и то, что в целости пришло к берегу». Братия, услышав, что авва Антоний послал его к ним, тотчас приняли его.

Привлеченные славой Антония, приходили к нему для беседы и мудрецы языческие. Незнакомый с ученостью мудрецов египетских, преподобный Антоний, просвещенный свыше, нередко изумлял мудрецов своей высокой мудростью. Не раз самонадеянные мудрецы, думавшие видеть в Антонии необразованного невежду, выходили от него посрамленные необыкновенными его ответами и сильными суждениями. Однажды пришли к нему два языческих философа, с намерением запутать его своими софизмами. Антоний по внешнему виду угадал в них философов. Не дожидаясь их вопросов, он сам спросил их: «Зачем вы, мудрецы, пришли ко мне, невежде?» — «Как невежде? — возразили философы. — Мы много слышали о твоей премудрости». — «Послушайте, — прервал речь их Антоний, — если вы пришли к невежде в намерении посмеяться над ним, то это не стоило такого труда; если же к мудрецу, каким вы меня называете, то прошу вас подражать мне: мудрость добро, а добру как не подражать? Если бы я к вам пришел, то с вас бы взял пример. Но поелику вы пришли ко мне, то будьте мудры подобно мне, будьте христианами». Философы, удивленные остротой ума Антония, удалились молча.

В другой раз пришли к нему диалектики. Между прочим разговором они упрекнули его в том, что у него нет книг. «Моя книга — природа вещей, — отвечал Антоний, — она всегда готова, как скоро мне захочется читать слово Божие. Скажите вы мне, что прежде было — разум или письмена?» «Конечно, разум, — отвечали диалектики, — потому что некто другой был изобретателем и творцом письмен». «Стало быть, — сказал Антоний, — у кого есть неповрежденный разум, тому не нужны и письмена».

Слава Антония так была велика в пустынях египетских, что царь Константин назвал его своим другом, почтил посланиями и убеждал писать к себе о нуждах. Афанасий пишет также, что император Константин и дети его Констанс и Констанций письменно просили Антония, как отца, утешить их взаимным посланием. Долго Антоний, избегая славы мирской, не хотел исполнить сей просьбы. Потом, собрав братию своего монастыря, сказал: «Мирские цари пишут к нам письма. Христианам нечего удивляться тут. Ибо хотя в мире различны состояния, но для всех одинакова участь рождения и смерти. То достойно всякого удивления, что Сам Бог написал закон людям и чрез Сына Своего обогатил Своим учением Церковь. Что инокам до посланий царских? Как принять мне сии послания, на которые я не умею отвечать обычными приветствиями?» По просьбе братии, представившей Антонию, что молчание его огорчит царей, решился писать к ним. Сначала Антоний хвалит их благочестие, потом дает совет: не превозноситься тем, что они

цари; не забывать, что они и при царском достоинстве подобны другим людям и будут судимы от Христа. Наконец, внушает им быть правосудными и милосердыми к подданным, прилагать попечение о бедных и помнить о том, что един есть Царь над всеми и всех веков — Иисус Христос. Послание Антония, как говорит Афанасий, с великой радостью было принято при дворе.

В постоянных подвигах самоумерщвления и в заботе о спасении ближних протекла жизнь великого Антония.

Почувствовав приближение кончины, он призвал двух своих учеников, пятнадцать лет служивших ему. «Наконец, любезные дети, — сказал он им уже слабым голосом, — наступил час, в который я, по слову Божию, отхожу к отцам моим. Уже Господь зовет меня; уже я желаю видеть небесное. Заклинаю вас, чада сердца моего, не погубите плодов, приобретенных вашими долговременными трудами; помните, каким вы подвергались искушениям от демонов, и вы знаете как злобные коварства их, так и безсилie против благочестия. Любите от всего сердца Господа вашего Иисуса Христа. Никогда не забывайте наставлений моих. Постоянно помышляйте о том, что вы всякий день можете умереть. Если имеете любовь ко мне, если считаете меня отцом своим, если хотите чем-либо ответить нежнейшей любви моей к вам, заклинаю вас, не носите моего тела в Египет, дабы оно не осталось в каком-либо доме. Погребите меня здесь и никому не говорите о месте моего погребения. Я уповаю, что в день воскресения оно восстанет нетленным. Прощайте, возлюбленные дети, ваш Антоний идет в путь и более не будет уже с вами». После сих слов равноангельская душа его отошла ко Господу; на лице его сияла светлая радость. Это было 17-го января 355 года.

Согласно завещанию преподобного Антония, тело его похоронено было учениками в горе без свидетелей.

Преподобный Онуфрий Великий

Скажи мне жизнь свою, — спросил святой Пафнутий Онуфрия Великого, — как пребываешь ты в пустыне и сколько времени?» Онуфрий отвечал: «Шестьдесят лет живу я в здешней пустыне, скитаясь в горах, и во все это время не видал ни одного человека, только тебя вижу ныне. Юность свою провел я в благочестивом монастыре, близ Ермополя в Фиваиде. Там обитают сто братии как единая душа, согласных в великой любви ко Господу Иисусу. Там одежда общая, и безмолвие нарушается только славословием Богу. Там я, почти еще дитя, изучал уставы монашеской жизни и от святых отцов назидался в вере и любви к Богу. Там часто слушал я отцов, беседовавших о святом пророке Илии, о святом Иоанне Предтече, подобного которому не было между людьми. «Что же? — спросил я. — Живущие в пустыне в совершенном одиночестве, больше ли вас пред Богом?»»

«Ей, сын наш, — сказали отцы, — они больше нас! Мы каждый день видимся друг с другом; церковное пение совершаем соборно; если взалчем, находим готовый хлеб; если возжаждем, у нас готова вода; занеможет кто, есть кому утешить, ибо мы живем сообща, один другому помогаем и служим из любви Христовой. Но живущие в пустыне всего того лишены... Случится какая печаль, кто его утешит? Заболеет — кто послужит ему? Найдет брань от сатаны кто даст ему совет? И где у него пища? где вода? где кров от зноя полуденного? где риза от холода позднего? Там, о сын наш, там несравненно больше трудов и подвигов, чем в общежитии. Только Бог один видит отшельников и посылает им ангелов на помощь и для беседы. И сбываются на них слова пророка Исаяи: «Терпящий Господа окрылатеют аки орлы, потекут и не утрудятся» (XL, 31).

Душа моя горела неведомым дотоле священным огнем, когда я слушал отцов. Я думал, что нахожусь в другом мире, и я возжелал пустыни. Встал ночью и пошел. Только что вступив в пустыню, я увидел луч света, сияющий предо мной. Ужас объял меня, и я хотел возвратиться в монастырь. Но то был ангел-хранитель мой, в виде света указывавший мне путь и сказавший: «Не бойся, я веду тебя». Провождая меня от шести до семи миллиарий, луч световидный остановился у одной пещеры и был невидим. Приблизившись к дверям пещеры, я воззвал по обычаю иноческому: благослови. Ко мне вышел муж престарелый; вид его был достопочтенный и священнолепый; на лице и во взорах сияла великая благодать и духовное веселие. «Ты ли это, брат Онуфрий, - сказал старец, поднимая меня и лобзая?»

— Войди в мою обитель, сын мой, — и Бог тебе помощник». Несколько дней провел я со святым старцем, который показывал мне уставы пустынной жизни, научал подвигам добродетели, открывал способ бороться с темными силами. Однажды он сказал: «Встань, сын мой, я поведу тебя в другую пещеру, чтоб ты жил там один, ибо для того и послал тебя Господь». Мы шли четыре дня и четыре ночи; на пятый день пришли к уединенному вертепу, и тогда великий вождь мой сказал: «Вот твое место, которое Бог приготовил тебе в жилище». Старец пробыл со мной тридцать дней, уча меня святой жизни; потом оставил меня Богу и возвратился в свою келию. Ежегодно посещал он меня поединожды, а там — пришел и скончался у меня. Я много плакал над телом почившего, похоронил близ моего вертепа и остался один в целом мире».

«Святой отец, — спросил я великого Онуфрия, — много ли трудов понес ты при начале твоей жизни в этой пустыне?» Блаженный старец сказал мне: «Поверь мне, возлюбленный брат, я подвергался таким искушениям, что многократно отчаивался в жизни своей. Изнемогал от голода и жажды, ибо сначала у меня совершенно не было, что есть и пить, разве где найду, бывало, немного зелия пустынного, соберу несколько капель росы небесной. Был палим жаром солнечным во дни, дрожал от холода в ночи; часто промокала вся плоть моя от росы полуночной... О, сколько я потерпел! Каких трудов не переносил я в этой непроходимой пустыне! Но для чего объявлять людям то, что человек должен совершать наедине из любви к Богу? Благий же Бог, видя, что я весь предался пустынноческому подвигам и положил душу мою в алчбу и жажду, повелел святому ангелу своему пещись о мне и приносить каждый день понемногу хлеба и воды для подкрепления немощной плоти моей. Так питался я от ангела тридцать лет. После того Бог мне на утешение уготовал пропитание еще обильнее прежнего. Подле моего вертепа потек небольшой источник чистой и прохладной воды; выросло финиковое дерево о двенадцати ветвях, и каждая ветвь приносит мне плоды помесечно. Вкушаю финики, пью воду из моего источника, иногда ем хлеб, приносимый ангелом, — и все мне сладко во славу Божию. А всего более насыщаюсь и пою себя сладостию слова Божия; верую и уже давно по опыту знаю, что не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих (Мф. IV, 4). О, брат Пафнутий, тщись только совершать волю Господа Бога, а Он пошлет все нужное! Ибо Сам говорит в святом Евангелии Своем: «Не пецытеся, глаголюще, что ямы, или что пием, или чим одеждемся? Всех бо сих языцы ищут; весть бо Отец ваш небесный, яко требуете сих всех» (Мф. VI, 31-33).

Удивлялся я чудной жизни великого и еще спросил его: «Отец, где и откуда причащаешься ты Пречистых Тайн Христовых?» Онуфрий отвечал: «Ангел Господень приходит ко мне с Пречистыми Тайнами Христовыми и

причащает меня в субботы и недели. И не ко мне одному приходит ангел Господень, но и к прочим подвижникам здешней пустыни, не видящим лица человеческого, и причащает их и наполняет сердца их неизреченным веселием. Если же кто из отшельников пожелает увидеть человека, тогда ангел возьмет дух его на небо, да узрит там святых, и возвеселится, и просвещается дух его как свет, и радуется он духом, и забывает все труды свои, подъятые в пустыне, начинает еще усерднее работать Богу, чая жизни вечной и блаженной».

После беседы, укрепившей дух и тело мое, после трапезы от плодов и от хлеба ангельского, мы провели всю ночь в молитве. К утру лицо праведника изменилось, так что я ужаснулся. «Брат Пафнутий, — сказал мне Онуфрий, — не бойся; в нынешний день я оканчиваю временную жизнь свою и отхожу к моему Христу. Бог, милосердый для всех, послал тебя ко мне затем, чтоб ты предал тело мое погребению». Я пал к ногам святого и плакал и говорил: благослови меня, отец честнейший, и молись, чтобы Господь удостоил меня видеть тебя в будущем веке, как удостоил зреть твою святыню в сей жизни. Онуфрий поднял меня и сказал: «Сын мой Пафнутий, не опечалит тебя Бог, но исполнит твое прошение; благословит же тебя и утвердит в любви Своей, и просветит умные очи твои к Боговидению, и избавит тебя от всякого падения и сетей лукавого; и сохранят тебя ангелы Его во всех путях твоих». После сего он дал мне последнее целование о Господе; начал молиться со многими слезами и воздыханием; преклонив колена, молился довольно, потом возлег на землю и последнее слово сказал: «В руце Твои, Боже, предаю дух мой». Тогда осиял великого старца дивный свет небесный; на воздухе послышался глас ангелов, поющих и благословящих Бога, - и душа праведника вознеслась к Богу... Мне осталось только тело святое, над которым я рыдал неутешно, пел надгробные псалмы и похоронил в каменном гробе. Это было в двенадцатый день июня... Вертеп Онуфрия пред моими глазами обрушился, финик упал и источник мгновенно высох.

Преподобный Марк Афинский

Этот подвижник прожил в пустыне 95 лет... С радостными слезами встретил он по прошествии почти столетия впервые посетившего его человека — авву Серапиона, отшельника египетского, ученика Иоанна, из внутренней Антониевой пустыни; благословив и поцеловав своего гостя, пришедшего к нему по указанию в сновидении, преподобный Марк так рассказал ему о себе: «Родился я в Афинах и учился разным наукам, проходил и философское учение. Потом, когда родители мои умерли, я отказался от этого мира, где всему предстоит смерть, и предал себя на служение вечному Богу.. Сбросив одежды, я на доске бросился в море и приплыл, куда принесло меня волнами по изволению Божию... Первые тридцать лет провел я здесь в великой нужде и в страдании; терпел и голод, и холод, и наготу, а главное терзали меня искушения... Но в последующие годы плоть моя изменилась... Господь излил на меня Свою благодать... Я видел явления Царствия Небесного... Я постиг духом блаженство праведников... Теперь же наступил предел жития моего, и Господь послал тебя сюда, чтобы ты предал земле тело мое».

Побеседовав еще с Серапионом до наступления вечера, сделав и ему некоторые вопросы о мире, о состоянии веры в мире, старец Марк сказал ему: «Брате, пробудь эту ночь без сна — ради кончины моей!»

И тогда, став на молитву, оба старца начали петь псалмы Давидовы. И опять, после некоторого молчания, Марк обратился к посетителю своему: «Брате, велик для меня сегодняшней день, величайший из всех дней жизни моей! Сегодня разрешается душа моя от страданий плотских, от уз земных и идет успокоиться в обители небесной, — и взяв за руку Серапиона, прибавил: — Пусть тело мое, это вместилище болезней, нужд и трудов, пребудет до общего воскресения в пещере этой, в которой пребывал я во временной моей жизни... Ты же, Господи, отдели от него душу мою, так ради Тебя терпел я и голод, и жажду, и наготу, и зной, и мороз, и всякие тяготы... Усните, глаза мои, не знавшие дремоты во время ночной молитвы! Отдохните, ноги мои, потрудившиеся в ночном стоянии! Душою же отхожу я от временной жизни и всем, остающимся на земле, желаю спастись! Спаситесь, постники, скитающиеся в горах и пещерах Господа ради! Спаситесь, узники Христовы, заточенные, изгнанные правды ради и не имеющие утешения, кроме единого Бога! Спаситесь, иноки, трудящиеся для Бога день и ночь! Спаситесь, священники Господни, ходатаи перед Богом о людях! Спаситесь, христороубцы, принимающие странников, как Самого Христа! Спаситесь, милостивые, достойные помилования! Спаситесь, богатые благоподатливые и богатеющие перед Богом в богоугодных делах! Спаситесь, обнищавшие Господа ради! Спаситесь, благоверные цари и князья, праведный и милостивый суд творящие!

Спаситесь, подвижники поста и трудолюбия, спаситесь, любящие друг друга о Господе! Да спасена будет вся земля и все живущие на ней в любви и мире!.. Спасись и ты, брат Серапион, потрудившийся Христа ради совершить путь в мою пустыню! Заклинаю тебя Господом Иисусом Христом: не бери ничего, ни даже единого волоса от убогого тела моего; не украшай его никакими ризами: пусть погребальной одеждой служат мне мои волосы, которыми покрыл меня Господь, и сам ты не оставайся здесь».

И когда замолкли уста праведника, то душа его вознеслась на небеса...

Серапион положил тело святого Марка в пещере и молился всю ночь. На другой день он совершил песнопение со слезами и, завалив камнем отверстие пещеры, сошел с горы, прославляя Господа и призывая на помощь святого. Возвратясь в свою обитель, он рассказал о Божием старце Марке-отшельнике Иоанну и ученикам его, и все с благоговением прославили Бога.

Преподобный Марк преставился около 400-го года, имея отроду 130 лет.

Преподобный Петр Афонский

Утешительно и не напрасно верование православной Церкви в общение умерших с живущими в земном мире, в помощь, оказываемую людям преставившимися к Богу святыми. И как естественно объясняется это верование! Не свойственно ли тем, кого божественная любовь одушевляла во время их земной жизни, любить еще более полной и совершенной любовью в том мире, который содержит всякое совершенство... И если *любовь не умирает*, то она вечно существует и в душах отшедших от мира к пребывающим в мире и сближает их самой тесной связью; выражается участием их в судьбе еще томящихся на земле братья своих. Участие же их — молитва, а молитва праведных умилоствует Бога, и, таким образом, святые, молясь и ходатайствуя о живущих на земле более совершенной молитвой, чем та, которой могут молиться немощные и не освобожденные еще от рабства греху люди, помогают людям достигать умилоствления Божьего.

Из бесчисленных подтверждений этого отрадного верования замечателен и случай из жизни воспоминаемого Церковью святого Петра Афонского.

Петр был христианин, родом грек, о звании родителей его неизвестно, но сам он был полководцем, когда в 667 году вел войну с арабами в Сирии. Взятый в плен, заточен был в крепость Самару (на реке Евфрат). Немало лет томился он в тяжелой неволе, усердно молил Бога о своем освобождении и при этом прибегал к помощи и ходатайству пред Богом святителя Николая Чудотворца. Святитель Николай, наш скорый помощник, явился Петру в сонном видении и ободрил его обещанием, что Господь пошлет ему освобождение, и вместе с тем убеждал его не ослабевать в молитве.

Спустя несколько времени снова явился узнику святитель Николай, повторил ему то же, что говорил в первый раз, и советовал молиться праведному Симеону Богоприимцу, сказав, что он умолит Бога за него, как имеющий великое дерзновение у Бога.

Между тем, среди тяжелых страданий, Петр не роптал, но стал внимательно испытывать себя: не сам ли он был причиной своего бедствия, не заслужил ли его чем-нибудь? И вспомнил, что когда-то, не раз давал он обет оставить мир и вступить в иночество, но до сих пор не исполнил своего обещания...

И, сознавая себя виновным, он благодушно и даже с благодарением терпел свое горе, как справедливо ниспосланное ему наказание. И в душе своей снова давал обет посвятить себя всецело на служение Богу, если только дождется своего освобождения, и в слезной молитве прибегал к святителю Николаю, прося его быть ходатаем и поручником о нем пред

Богом. И не осталась без отзыва неусыпная молитва верующего. В третий раз явился Петру Николай Чудотворец, в этот раз вместе с Симеоном Богоприимцем, и чудным образом разрешил его от уз и вывел из темницы.

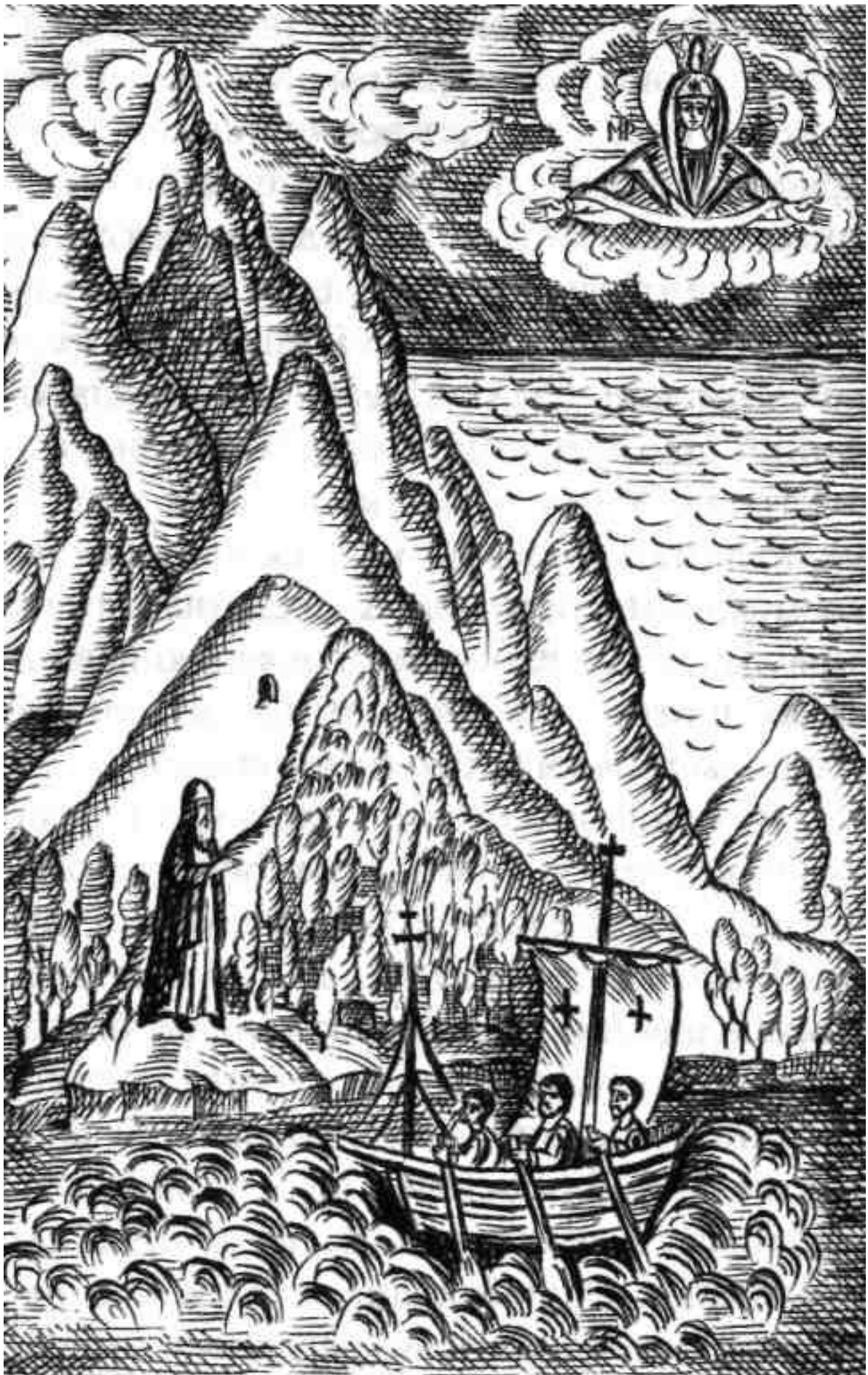
Уверившись в истине чудного своего избавления и воздав благодарение Богу и небесным своим ходатаям Симеону и Николаю, Петр тотчас же начал в точности исполнять свои обеты, данные им Господу Богу во время своего злострадания, то есть из Аравии, достигнув пределов греческих, не отправился на свою отчизну, но оттуда направил стопы свои прямо в древний Рим. Когда Петр достиг пределов Рима, святой Николай замечал ему так: «Время, брат Петр, исполнить тебе без отлагательства свое обещание Богу; если же по-прежнему замедлишь исполнением, то знай, что поведут тебя связанным в самарскую темницу». Желая удостовериться святого Николая в непременности своего намерения, Петр сказал ему: «Святе Божий! Я и теперь еще боюсь гнева Божия за прежнюю медлительность; нет, во второй раз не буду изменником Христу, Владыке моему, не будет сего, не будет вовеки! Я и в дом мой никогда не пойду и не явлю себя никому из своих, чтобы они не воспрепятствовали мне во святом стремлении моей воли». Затем вошел он в Рим, где решительно никто не знал его. Пред вшествием Петра в Рим святитель Христов Николай явился во сне папе, которому, держа Петра за руку и указывая на него, рассказал все подробно, причем объявил ему и самое его имя и вместе с тем повелел ему представляемого им немедленно облечь в иноческий ангельский образ при гробе святого верховного апостола Петра. Папа, встав от сна, долго размышлял о виденном им ночью. Когда же настало время литургии, он отправился в церковь. День был воскресный. В числе многих других богомольцев в церковь верховного апостола пришел и Петр. Папа прилежно рассматривал собравшихся молитвенников, желая узнать человека, виденного им во сне, и лишь только среди множества народа распознав его, тотчас подал ему знак, чтобы он подошел к нему. Папой сделано было это два или три раза, но Петр не понимал его. Заметив, наконец, что Петр невнимателен к его помаманиям, папа начал звать его по имени: «Тебе говорю, Петр, пришедший теперь из Греции, которого изъял из темницы самарской великий чудотворец Николай, почему не хочешь ты прийти ко мне, когда я зову тебя?» Петр изумился, как папа столь скоро мог узнать его, никогда прежде не видавши, и со многим смиренномудрием отвечал: «Я раб твой, преблаженный владыка!» — «Не дивись, брат Петр, — говорит ему тогда папа, — что я зову тебя по имени: великий отец наш Николай в прошлую ночь явился мне во сне и подробно рассказал о твоих страданиях в темнице самарской и об освобождении тебя из оной и объявил мне твое имя и твое желание принять на себя в церкви верховного апостола Петра иноческий ангельский чин». За сим папа тотчас же пред всем народом облек Петра во святое одеяние. По при-

нятии этого святого образа Петр пробыл у папы несколько времени, слушая душеполезные и спасительные его наставления. А потом сел в корабль, идущий на восток. Через несколько дней счастливого плавания корабельщики пристали к берегу, чтобы в знакомом им селении запастись свежим хлебом. В доме, в который для этой нужды случилось им войти, все страдали горячкой. Исправив, что было им нужно, корабельщики остановились здесь покушать свежей пищи. Но, не начиная еще вкусного своего обеда, они позаботились и об оставшихся у них на корабле, то есть о своем шкипере и об авве Петре, и поручили одному из своих товарищей снести им свежих хлебов. Услышав, что корабельщики в своих разговорах упоминают об авве, хозяин дома обратился к ним с усиленной просьбой: «Братие мои, - говорил он, — прошу вас, ради любви Божией, приведите сюда вашего авву, чтобы он благословил нас прежде нашей смерти, ибо и я, и сын мой, и все мои домашние, от великой, обдержавшей нас болезни, как это видите вы и сами, находимся уже при смерти». Корабельщики, умилившись слезной просьбой хозяина, пошли на корабль и рассказали святому Петру о бедствии того дома и о делаемом ему от хозяина приглашении. Святой, по смирению своему, не хотел было идти, но когда сказали ему, что больные находятся при смерти, он, помня будущее на страшном суде наказание жестокосердым (Мф. XXV, 43) и движась чувством человеколюбия, склонился на просьбу корабельщиков, решился посетить больных и пошел к ним вместе с корабельщиками. Лишь только святой вошел в дом и произнес: «Мир дому сему и живущим в нем!», тотчас больной домохозяин как бы встал от сна совершенно здоровым и, притекши к святому, пал к ногам его и со слезами лобызал их. Святой поднял домохозяина с земли, тот, взяв его за руку, повел ко всем кроватям своих больных, чтобы он благословил их. Обходя больных, святой над каждым из них творил знамение честного креста, и все, помощью Божией и молитвою его, вставали здоровыми и прославляли Бога, опечалившего их на некоторое время, но потом пославшего им такого скорого целителя. После сего корабельщики с Петром возвратились на корабль, рассказали о святом Петре кораблеправителю, и все, воздав славу Богу, пали к ногам святого и просили у него молитв и благословения, в чем он и не отказал им. После того корабль снова двинулся и все плыли, полные радости, с благоговением рассказывая друг другу о чуде, какое совершил Петр, причем много дивились безмерному его воздержанию, ибо он в целые сутки вкушал хлеба только по одной онгии, а воды, и то морской, пил по одной малой чаше.

Продолжая плавание, корабельщики для исправления своих нужд снова где-то пристали к берегу. Святой Петр восхотел здесь немного уснуть, и лишь только легкий сон смежил его очи, является ему сияваемая небесной славой Царица неба и земли, со святым Николаем, который, предстоя Ей

со многим страхом и благоговением, умолял Ее так: «Владычице, Богородице и Госпоже мира! если предстательством Своим пред Сыном Твоим и Богом нашим Ты освободила сего раба Твоего от горького того плена, то покажи ему и место, где бы он удобно мог творить волю Божию во всю остальную его жизнь, как сам то обещал». — «Для свободного служения Богу, — сказала Пресвятая Богородица святому Николаю, — нет другого более удобного места, как гора Афонская, которую Я прияла от Сына Моего и Бога в наследие Себе, дабы те, которые хотят удалиться мирских забот и смущений, приходили туда и служили там Богу безпрепятственно и спокойно. Отныне гора эта будет называться Моим вертоградом. Много люблю Я место сие, и придет время, когда оно от края и до края, на север и юг, наполнится множеством иноков. И если иноки те от всей души будут работать Богу и верно сохранять заповеди Его, то Я сподоблю их, в великий день Сына Моего, великих дарований: еще здесь, на земле, будут они получать от Меня великую помощь. Я стану облегчать болезни и труды их и дам им возможность при малых средствах иметь довольство в жизни, даже ослаблю вражескую против них брань и имя их сделаю славным во всей подсолнечной».

Проснувшись, преподобный от всей души славил и благодарил Бога, сподобившего его видеть божественное сие чудо. Было тогда около третьего часа дня. Корабельщики, как только подул благоприятный ветер, подняли ветрила и благополучно поплыли. Когда плыли они против святой Афонской горы, корабль их каким-то чудом остановился и стал как вкопанный. Корабельщики, видя это неожиданное чудо, недоумевали о причине остановки корабля, потому что и ветер был довольно силен и глубина моря в том месте почти неизмерима. «Может быть, - говорили они со слезами, — мы в чем-нибудь согрешили против Бога, и Он хочет погубить нас здесь». Когда они с плачем и стенаниями таким образом рассуждали, святой Петр спросил их: «Чада мои о Господе! скажите мне, как называется эта гора, и, может быть, я утешу вас и разрешу наше недоумение». — «Афоном называется гора эта, честный отче», — со слезами отвечали ему корабельщики. «Так знайте, чада мои, что из-за меня сделалось препятствие и плаванью вашему кораблю, и если вы не высадите меня и не оставите в этом месте, то далее отсюда не двинетесь ни на шаг». Не радостны были корабельщикам сии слова святого, но делать было нечего: воле Божией противиться они не дерзали и нехотя высадили святого на берег горы. «Горе нам! великого сокровища, сильного покрова и крепкой помощи лишаемся мы!» — с плачем говорили корабельщики, высаживая святого с корабля своего. А святой утешал их в скорби молитвой о них и, на-

конец, преподав им потребные наставления, благословив всех их и трижды ознаменовав знаменем честного креста даже корабль, простился с ними.

Оставшись один на берегу горы, святой Петр принес там прилежную ко Господу Богу молитву, а потом, делая знамения честного креста на всем своем теле, начал восходить на гору по некоей узкой, стремнистой тропинке, слегка проложенной в страшной густоте леса, не стопой человеческой, а ногой диких зверей, в намерении найти место, совершенно соответствующее влечению души своей, то есть во всех отношениях удобное для глубокого безмолвия. С великим трудом и многим потом восходил он наверх горы. Обозрев многие горы и юдоли, расселины и пропасти афонские, святой нашел, наконец, одну глубокую и весьма темную пещеру, так как вход в нее загромождался сгустившимися деревьями, но очень удобную для помещения. В этой пещере гнездились бесчисленное множество змей и ядовитых гадов, а еще больше демонов. Лишь только демоны увидели святого, приближавшегося к их гнездилищу, явление его там почли великим для себя злом и восстали против него со всей своей злобой; но он, презирая злобу их, решился водвориться в этом богосозданном убежище, потому что находил его во всем соответствующим святой своей мысли. Итак, призвав многомощное имя Иисуса и Пречистой Его Матери и вооружившись всемогущим оружием креста, он дерзновенно вошел в эту пещеру, и все множество бесов и гадов, как дым, исчезло. Однако ж могло ли святому пройти даром это изгнание злых духов из их гнездилища! Коснемся несколько этой жестокой брани своим рассказом.

Окружив пещеру святого, одни из демонов производят разного рода стрельбу, другие устремляются на него с копьями или мечами, те мечут камни, эти потрясают самую гору, — и все, производя всевозможные страхи, кричат во всю бесовскую пасть: «Выходи немедленно из нашего жилища, иначе мы сейчас убьем тебя». Видя и слыша это демонское смятение и против себя восстание, святой уже отчаивался в самой своей жизни, ибо видел ясно, как бросали в него стрелы и камни. Но милосердый Бог сохранил верного Своего раба невредимым от злодейства диавольского. «Впрочем, выйду, — сказал сам себе святой Петр, — и посмотрю, кто восстает на меня, смиренного и безсильного, с таким бешенством». Выходит и видит: бесчисленное множество бесов окружило его пещеру. Бесы, лишь только увидели его, подняли предикие вопли, свирепо взирали на него и готовы были поглотить его живого, а пещеру разрушить до основания. Тогда святой, возведши на небо душевные и телесные свои очи, громогласно возопил: «Пресвятая Богородице! Помоги рабу Твоему!» Демоны, услышав страшное для них имя Пресвятой Богородицы, тотчас сделались невидимы, а святой, воз-

благодарив Пренепорочную, снова начал подвизаться подвигом добрым, от глубины души прося Христа Господа не оставить его, грешного и недостойнейшего раба, на поругание демону.

Прошло не более пятидесяти дней — демоны снова восстают против святого, вооружившись теперь уже другим образом. Они входят во всех зверей и горных змей и, явившись к его пещере, устремляются на него с остервенением. Одни из них наводят страх ужасным своим свистом и шипением, другие только ползают при ногах его, те стараются уязвить его, устремляясь на самое лицо, а эти, зияя своей пастью, покушаются поглотить его живого. Зрелище было ужасное! Но святой Петр знамением честного креста, именем Господа Иисуса и Пресвятой Владычицы Богородицы уничтожает всю силу бесовскую, будто паутину.

Впрочем, демон всегда злобен, лукав, хитер и безстыден. Преобразившись в одного из слуг святого Петра, он является в пещеру его и с крайним безстыдством обнимает и лобызает своего господина, потом садится и начинает прикрытую самой ловкой и безстыдной лестью беседу, сопровождая ее даже слезами. «От многих слышали мы, господин мой, честь моя и свет мой, — говорит бес плачевным тоном, — что варвары и безбожники, схватив тебя на войне, увели пленным в крепость Самарскую и, оковав тяжкими железам, окаянные, заключили там в самой смрадной темнице. Поверь, скорби нашей об этом твоём заключении я не могу и выразить. Но вот скоро Бог благоволил и утешить нас в нашей скорби и возвеселить сердца наши неизглаголанной радостью. Вдруг мы слышим, что Он, Всеблагий, по молитвам и предстательству преблаженного Николая, извел тебя из той гнусной темницы и под Своим руководством привел в Рим. Слыша такие благие вести, мы от радости, кажется, не слышали в себе и души, и все, кто ни есть в славном твоём доме, а особенно верный твой раб, возжигались пламенным желанием видеть нашими глазами любезное, ангельское твое лицо и насладиться мудрейшей и сладчайшей твоей беседой. Но Богу снова было угодно повергнуть нас в глубокую печаль и неутешный плач о лишении тебя: нам неизвестно было, куда ты скрылся из Рима. Посему, желая найти тебя, мы ходили по многим крепостям, селениям и пустынным местам. Когда же не могли не только найти тебя, но даже и слышать, что с тобой делается, начали усердно просить великого чудотворца Николая открыть, где ты. И святой Николай, теплый помощник всем, с верою призывающим имя его, не презрел нас, недостойных, и скоро открыл нам тебя. — и вот я, любящий тебя сильнее всех твоих рабов, предварил их и пришел к тебе, господину моему. Само собою ясно, что теперь тебе, господин мой, ничего другого не остается делать, как принять на себя труд отправиться со мной в наш славный дом и явлением своим в кругу домашних своих и друзей неизреченно

обрадовать их. Послушав в этом деле меня, верного твоего раба, ты не меня слушаешь, а великого Николая, который открыл нам тебя». Святой, не подозревая козни дьявольской, сказал демону: «Знай, человеке, что в это место привел меня не ангел, не человек, а Сам Бог и Пресвятая Богородица, и потому без воли Их я не могу выйти отсюда». Демон, лишь только услышал пресвятое имя Пренепорочной, вдруг исчез, как призрак.

Спустя после помянутого искушения семь почти лет, снова преобразуется — уже в ангела света. Дерзко и нагло похитив не принадлежащий ему образ, он, с обнаженным в руке мечом, становится близ отверстия пещеры святого и говорит ему: «Петр, искренний служитель Христов, изыди вне, выслушай от меня некие таинства Божия и душеполезные наставления». Святой на то демону: «А ты кто и откуда пришел и с какими полезными для меня назиданиями явился сюда?» - «Я архистратиг силы Божией, - отвечал демон, — Всемогущий послал меня возвестить тебе некие пренебесные тайны. Мужайся же, крепись и радуйся, ибо уготован тебе неувыдаемый венец и божественная слава. Ныне ты должен оставить это место и идти в мир, чтобы от добродетельного твоего жития и высокого учения восприяли пользу и другие души человеческие. В намерении переселить тебя отсюда Господь иссушил и источник воды, из которого ты пил». Но святой Петр отвечал самым смиренным образом: «Ужели я, смердящий и паршивый пес, стою того, чтобы пришел ко мне ангел Господень?» А лжеангел ему в ответ: «Не удивляйся, святе! Ты в нынешние времена своими подвигами превзошел древних святых и пророков: Моисея, Илию, Даниила и Иова; великим ты признан на небесах за превеликое твое терпение. Илию и Моисея ты превзошел по пропитанию (то есть постом), Даниила — по вселении со смертоносными змеями, а Иова совершенством терпения. Но выйди сюда и собственными твоими очами уверься в оскудении воды и потом, без всякого сомнения, иди в монастыри мирские. «Там, так глаголет тебе Господь Вседержитель, там Я всегда буду с тобою и многих тобою спасу. Вот прямая о тебе воля Божия!» Но святой явившемуся самозванцу отвечал: «Знай, что если не придет сюда Госпожа моя Богородица, Которая послала меня в это место, и помощник в нуждах моих святой Николай, я не выйду отсюда!» Дьявол, как только услышал имя Пренепорочной, тотчас исчез. Тогда блаженный Петр увидел и крайнее злоумышление врага, и безпредельную вражду его против рабов Божиих, а вместе с тем, при державном защищении их всемогущей десницей Божией, — и все его против них бессилие. «Христе Иисусе, Боже и Господи мой! — произнес святой Петр из глубины души по удалении от него дьявола.

— Вот враг мой диавол, яко лев рыкая, ходит, ища поглотить меня грешного, но Ты, Господи, не оставь меня, во все дни живота моего, всемошною Твоею помощью».

В ту ночь святой Петр сподобился небесного утешения: во сне явились ему скорая Помощница всех христиан, Богородица, и святой великий Николай. «Петр, — изрекла ему тогда Владычица, - отселе уже не бойся злоумышления врага, ибо Бог с тобою: завтра послан будет к тебе истинный ангел Господень, с небесной пищей, и по повелению Божию всегда будет являться с ней через сорок дней; он покажет тебе и манну, которая будет твоей пищей во всю жизнь». Таким образом утешив своего раба, Владычица мира отошла в пренебесные селения. Святой же Петр, благоговейно пал на то место, где стояли пречистые ноги Пресвятой Богородицы и великого святого отца Николая, и, лобызая ту землю, громогласно благодарил Бога, что Он удостоил его видеть такие страшные таинства. Наутро, действительно, явился к святому Петру ангел Бога Всевышнего с небесной пищей, указал ему и манну, как сказала Пренепорочная, и отлетел на небеса. После сего святой, прославляя Христа Бога и Пренепорочную Его Матерь, спокойно подвизался в ангельских своих подвигах целых 53 года и, по благодати Божией, уже не был стужаем никакими демонскими привидениями. В продолжение стольких лет он не видал даже и подобия человеческого. Во все это время пищей служила ему манна, показанная ангелом; она падала с неба в виде росы, потом сгущалась и делалась подобной меду. А об одежде, о постели, о зданиях и прочих требованиях природы человеческой он не имел мысли: одеждой для него служила первобытная невинность; о действиях зноя, бурь и холода, одушевляясь пламенной любовью к своему Творцу и Богу и мыслью о будущем воздаянии за все свои страдания, он не беспокоился; ложем была для него земля, а покровом служило ему украшенное звездами небо. Одним словом, он, как безплотный, жил на земле неземным образом; до того же времени, как показана была ему манна, питался кореньями и пустынными зелиями.

О подвигах пустынножителей

Из самого краткого и общего очертения жизни отшельников христианских мы могли уже видеть, что главный характер этой жизни составляло подвижничество; но подвиги иноков не ограничивались тем, что требовалось от каждого из них по долгу и званию: стремясь к духовному совершенству, они сами часто возлагали на себя такие труды и подвергались произвольно таким лишениям, которые можно сравнить разве с великими скорбями мучеников Христовых. Подвиги сии состояли в борьбе со страстями или в умерщвлении ветхого греховного человека для облечения в нового, созданного по Богу, в правде и преподобии истины. Смотри по тому, какой враг восставал на подвижника, таким или другим оружием отражал его и подвижник; посему подвиги пустынножителей были различны. Но наиболее общими и спасительными из них были подвиги послушания, молчания, поста и молитвы.

Подвиги послушания. Сей род подвигов с первого раза представляется, по большей части, не таким тяжким и как будто не таким важным; но на самом деле совершенное послушание есть едва ли не самое трудное и самое необходимое дело для подвижника Христова. Многие скорее успевали в других добродетелях христианских, чем в послушании, многие теряли плоды великих трудов чрез одно непослушание. Послушаем, что говорят об этом сами подвижники: «Я знаю монахов, — говорил преподобный Антоний Великий, — которые после многих трудов пали и подверглись безумию, потому что понадеялись на свои дела и презрели заповедь Того, Кто сказал: *Вопроси отца твоего, и возвестит тебе* (Втор. XXXII, 7)». Пришли однажды к великому Памво из скита четыре брата, одетые в кожу, и каждый из них рассказывал ему о добродетели другого. Один постился много; другой был нестяжателен; третий стяжал великую любовь; о четвертом они говорили, что он уже двадцать два года прожил в повиновении старцу. Авва Памво отвечал им: «Скажу вам, что выше всех добродетель последнего: каждый из вас по своей воле приобрел ту добродетель, которую имеет, а этот последний, отвергшись своей воли, исполняет волю другого. Такие люди подобны исповедникам, если они до самого конца пребудут в послушании». Авва Руф рассказал ученикам своим об одном видении, в котором послушание превознесено было над благодушным терпением в болезнях, над страннлюбием и отшельничеством, так говорил им в заключение: «Дети! доброе дело — послушание ради Господа! Дети! и вы несколько слышали о сей добродетели. О, послушание! Ты — спасение всех верных, ты — мать всех добродетелей! Ты находишь царство, ты отверзаешь небеса и возводишь людей от земли на небо! Ты питательница всех святых: они питались сосцами и возрастали в совершенствах! Ты — сожительница ангелов!»

Подвиг послушания есть подвиг внутренний; в этом — вся его трудность и вместе важность. Полное послушание есть полное самоотвержение, а отвергнуться себя, отвергнуться своей воли, желаний и привычек есть такое тяжкое дело для греховной природы нашей, которого без благодати Божией мы не можем и совершить, ибо падшая природа наша живет по закону самоволия, самолюбия и самоуслаждения; она везде и во всем ищет подчинения и покорности себе, но не любит покоряться другим. Поэтому-то послушание есть постоянная и самая тяжкая борьба человека с самим собой; в какой мере успеваешь он в борьбе сей, в такой облегчаются для него все добродетели, потому что в нем преобладает тогда закон духовный над законом греха. Святые подвижники Христовы, как мы уже видели, первым правилом поведения для учеников своих поставляли правило безусловного повиновения духовному отцу и вообще начальнику. Но чтобы с точностью исполнить правило это, то есть чтобы повиноваться другому во всем не по предписанию только, но по внутреннему отвержению своей воли, — для этого требовалось несравненно более усилий, чем для простого исполнения правила, и при этом только условия послушания становилось в прямом смысле подвигом.

В каких внешних действиях обнаруживались такие подвиги, это зависело от обстоятельств. Иногда они представляются не важными по виду, но на самом деле весьма значительны по отношению ко внутреннему состоянию подвижника. Например, сами же святые подвижники указывают нам на следующие образцы послушания. Авва Пист рассказывал: «Пошло нас семь отшельников к авве Сисою, чтобы попросить у него наставления. Авва Сисой сказал нам: «Простите мне, я человек простой. Но вот я ходил к авве Ору и авве Афре и усердно просил их дать мне наставление. Авва Ор отвечал мне: «Что я скажу тебе? Ступай и делай, что видишь. Бог с тем пребывает, кто владеет собой или во всем, хотя с насилием, управляет собой...» Провел я у них несколько времени, наблюдая за ними, и увидел весьма чудное дело, которое сделал авва Афре. Кто-то принес им небольшую рыбу. Авве Афре хотелось приготовить ее для старца; он разрезывал ножом рыбу, как вдруг позвал его к себе авва Ор. Афре оставил нож в рыбе и не стал дорезывать остального. Я подивился его великому послушанию, почему он не сказал: подожди немного, пока я разрежу рыбу. Я спросил его: Авва Афре!

Откуда ты приобрел такое послушание? — «Это не мое, — отвечал он, — а старцево». Потом он взял меня и сказал: «Пойди, посмотри, каково его послушание». Он сварил немного рыбы и, нарочно испортив варево, подал его старцу. Старец ел, не говоря ни слова. Авва Афре спросил его: «Хорошо ли, старец?» — «Весьма хорошо», — отвечал авва Ор. Потом авва Афре принес ему несколько рыбы, весьма хорошо приготовленной, и сказал ему: «Испортил я, старец!» — «Да, — отвечал он, — немного

испортил». Тогда сказал мне авва Афре: «Видишь ли, какво послушание старца?» После сего я ушел от них и по силам моим старался исполнять, что видел у них».

В этих поступках, по-видимому, ничего нет необыкновенного, трудного, подвижнического; однако же им удивлялся один из величайших подвижников, каков был преподобный Сисой. Вся сила в том, что отшельники совершенно уничтожили в себе дух противоречия и в самых обыкновенных случаях показывали высокую степень самоотвержения; а подобные случаи, в которых человек действует уже свободно, непринужденно, гораздо лучше могут служить испытанием расположения души нашей, чем самые трудные обстоятельства, в которых мы поступаем с размышлением, употребляем усилия, иногда одушевляемся самой трудностью дела, иногда покоряемся необходимости. Если бы поставить упомянутых подвижников в другое положение, если бы они при таком состоянии духа услышали призывание к другим делам во славу Божию, то не усомнились бы повиноваться ни в каком случае: с исповедниками они сами бы сделались исповедниками, с мучениками они не отказались бы разделить мучений, ибо они приучились жить не для себя, но для Бога. Можете ли думать после этого, что такое расположение духа приобретено без подвигов, совершавшихся, главным образом, в самой душе подвижников и состоявших в постоянном противоборстве самолюбивой греховной воле ветхого человека? Впрочем, подвиги послушания нередко обнаруживались и во внешних делах иноков поразительным образом. Так одного заставляют поливать целых три года сухое дерево, и послушник не противоречит повелению отца своего, не отказывается по целым ночам ходить за водой, которая была очень далеко от них, исполняет свое дело без всякого ропота, хотя бесполезнее и утомительнее таких трудов, казалось, ничего быть не могло (*см. житие Иоанна Колова*). Другому приказывают взять и связать гиену и привести ее, как будто ручное животное, к ногам старца. Ученик не рассуждает, бежит за зверем, кричит ему с простодушием: «Авва мой велел связать тебя» и, поймавши, связал и привел к старцу. Сам старец удивился, но не показал вида своего удивления, а к прежнему уроку прибавил новый урок послушания ученику своему, хотя не так, по-видимому, важный, но едва ли не более того трудный: он ударил его и сказал с гневом: «Глупый! Ты и привел ко мне сюда глупую собаку». Послушный ученик все сносил благодушно и не думал рассуждать о несправедливости духовного отца своего (*см. житие Иоанна, ученика Павла*). Так учили и учеников послушанию в пустынях египетских, и прекрасные безценные плоды приносило им такое образование!

Подвиги молчания. «У людей нет ничего ценнее слова, — говорит Антоний Великий в наставлении для нравственности человек, — оно столь

сильно, что словом и благодарением ты служишь Богу, а бесполезным или безчестным словом подвергаешь душу суду. Преподобный Арсений Великий обыкновенно говаривал: «После беседы я часто раскаивался, после молчания никогда». Он же на вопрос некоторых старцев о пребывающих в безмолвии отвечал следующее: «Пока девица живет в доме отца своего, многие желают иметь ее своей невестой; но когда выйдет замуж, не всем уже нравится. Одни хвалят ее, а другие унижают; ей нет уже такой чести, как прежде, когда жила она в сокровенности. Так бывает и с душой: как скоро она становится открытой для всех, — не может всем угождать». Преподобный Исидор Пелусиот замечает: «Если соединяется слово и жизнь, то они составляют красоту всего любомудрия». Посему подвижники Христовы всячески старались обуздать язык свой и не говорить ничего не только прямо вредного или недостойного их, но и малополезного или в каком-нибудь отношении неприличного. Не всегда одобряли они и самые полезные, по-видимому, разговоры; не всегда решались беседовать о таких предметах, которые заслуживают всего внимания христианина. Разборчивость их в этом отношении стоила им великих усилий и трудов, и подвиги воздержания языка были не менее других велики и продолжительны. Один из высоких подвижников египетских, преподобный Сисой, смиренно сознавался пред братом своим: «Вот тридцать уже лет молюсь я Богу так: Господи Иисусе! Защити меня от языка моего. Но и доныне каждый день я падаю и согрешаю языком моим». Так трудно обуздание слова нашего.

Когда одной силы воли не доставало у подвижников для обуздания языка своего, то они прибегали ко внешним средствам для достижения цели своей, и эти средства сами по себе составляли уже труднейшие подвиги. Многие налагали на себя обет совершенного безмолвия и заключались в уединения, чтобы удобнее исполнить обет сей; другие старались, по крайней мере, как можно реже отворять двери келий своей для приходящих и сами только по необходимости выходили из произвольного заключения своего. Один брат спросил опытного старца-подвижника: «Что мне делать? Меня беспокоит язык мой. Когда я бываю с людьми, не могу удержать его, но осуждаю и обличаю их во всяком, даже добром деле. Что мне делать?» Старец сказал в ответ: «Ежели ты не можешь удержать себя, то беги в уединение, ибо это — немощь. Кто живет с братьями, тот должен быть не четвероугольным, но круглым, дабы мог катиться ко всем». Преподобный же Арсений Великий свыше получил подробное же наставление, когда молился Богу о том, чтобы Он научил его, как спастись: «Бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни святой жизни», был к нему голос из мира невидимого. Некоторые из подвижников прибегали к особым чрезвычайным средствам для той же цели: так сказывали об авве Агафоне, что он провел три года, держа во рту камень, чтоб научиться молчанию.

Подвиги поста. Авва Иоанн (Колов) говорил: «Если царь захочет взять неприятельский город, то прежде всего удерживает воду и съестные припасы, и таким образом неприятели, погибая от голода, покоряются ему. Так бывает с плотскими страстями. Если человек будет жить в посте и голоде, то враги, ослабев, оставят его душу». Вот какая истина лежала в основании необычайной строгости подвижников Христовых касательно употребления пищи и питья. Посему-то самые общие правила о посте предписывали уже истинный подвиг каждому иноку, ибо мы видели, какая умеренность в этом отношении заповедывалась всем и каждому. Но до чего простирали часто сами подвижники воздержание в пище и питии, это для нас кажется теперь едва вероятным. Одни из них малой мерой ячменя проживали по два месяца; другие полагали для себя правилом вкушать пищу не более одного раза в неделю и не изменяли этого правила никогда, кроме особенных случаев; некоторые питались только небольшими просфорами после совершения Божественной литургии; были и такие подвижники, для коих единственной пищей служило, наконец, одно причащение тела и крови Христовой. Так истощали плоть свою отшельники Христовы, что, будучи еще в теле, они, казалось, принадлежали уже к миру безплотных!

Подвиги молитвы. Спросили некогда одного из великих подвижников египетских, преподобного Агафона: какая добродетель в подвижничестве труднее других? «Простите мне, — отвечал он вопрошавшим братьям. — Я думаю, нет еще такого труда, как молиться Богу. Всегда, как только захочет человек молиться, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что им ничто так не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринимал человек, после усиленного труда получает он успокоение, а молитва до последней минуты жизни требует борьбы». И в сей-то борьбе мужественные подвижники Христовы оказывали такое постоянство, ревность и усердие, что в подражание ангельским ликам старались непрестанно славословить Господа. Преподобный Антоний Великий, становясь на молитву с полуночи, нередко продолжал и до самого утра, без всякого развлечения и отдохновения, и когда восходящее солнце озаряло его первыми лучами своими, то он как бы с укором обращался к нему: «Зачем, о солнце, развлекаешь меня лучами твоими? Ужели хочешь похитить у меня созерцание истинного света!» Также подвизался, как мы видели, и Пахомий Великий. Так же поступали и все святые отшельники, которые почитали один час в ночи достаточным для успокоения и подкрепления телесных сил своих. Преподобный Арсений Великий проводил обыкновенно целую ночь в бдении, и когда пред утром природа побуждала его заснуть, то он говорил сну: «Иди сюда, злой раб», — и, заснув ненадолго сидя, тотчас вставал. Преподобный Исидор (скитский) говорил сам о себе: «Когда я был молод и жил в своей келии, то не определял времени для молитвословия — ночь

и день проходили у меня в молитвословии». Кто поступал так в молодости, тот, без сомнения, не изменил своему правилу и в старости. Не привожу более примеров таких великих подвигов, потому что их множество; довольно и того, что сказано, дабы видеть, какого рода были труды воинов Христовых и каким оружием преимущественно пользовались они в борьбе со врагами своими. Сия духовная борьба достойна изучения для каждого христианина.

Кроме сих подвигов, более или менее общих, святые подвижники прибегали иногда к частным средствам для обуздания внутренних врагов своих, и эти средства обнаруживают в них необыкновенную силу воли и ревность к достижению чистоты и непорочности пред Богом. Так сказывали об авве Макарии Александрийском: обезпокоил его некогда дух любодеяния, и он осудил сам себя на такое наказание, чтобы шесть месяцев сидеть нагим в болоте, где множество было комаров и других язвительных насекомых. Когда он исполнил сию произвольную эпитимию и возвратился к братии, то многие почли его прокаженным и едва только по голосу узнали, что это он — Макарий.

Преподобный авва Виссарион сказывал о себе самом, что он раз сорок дней и сорок ночей провел среди терния, стоя и без сна. Много подобных самоистязаний делали себе подвижники Христовы; но так как меры сии слишком исключительны, то мы не будем распространяться о них, скажем в заключение, как понимали сами подвижники значение подобных и всех вообще подвигов своих по отношению к главной их цели, то есть к очищению души и тела от скверн греха и к достижению совершенства духовного.

Подвиги сии сами по себе не составляют совершенства и суть только средства к достижению его; посему одни наружные труды не имели никакой цены в глазах их, когда ими не приобретались душевные доблести. «Труд телесный, — говорит другой преподобный отец, — как листья на дереве, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию, *всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и в огонь вметаемо* (Мф. III, 10), то, очевидно, что мы должны иметь все попечение о плоде, то есть о хранении ума. Впрочем, для нас нужно и листовное одеяние и украшение, то есть труд телесный» (прп. Агафон).

Чтобы подвиги или особенные труды подвижников приносили надлежащий

плод, для этого необходима рассудительность в подвижничестве. Преподобный Аммон говорил: «Иной человек всю жизнь свою ходит с секирою и не может срубить дерево, а другой, искусный в рубке, и многими ударами сваливает дерево; — секира есть рассудительность». Преподобный Пимен говорил: «Хранение себя, внимание к самому себе и

рассудительность - вот три добродетели — путеводительницы души». Вообще святые подвижники ничего не предпринимали без особенной осмотрительности; самоиспытание и благоразумие было главным началом всех их поступков.

Посему они редко советовали ученикам своим и вообще братьям предпринимать какие-нибудь особенные подвиги, но внушали им всегдашнюю бдительность за собой.

Собрались некогда к преподобному Антонию многие братья и рассуждали о том, как и чем удобнее достигнуть чистоты и святости; каждый указывал на какое-нибудь средство, как действительнейшее, по его мнению; но великий авва сказал им: «Все исчисленные вами добродетели, без сомнения, очень полезны и необходимо нужны для тех людей, кои ищут Бога и питают пламенное и сильное желание приблизиться к Нему. Но мы видели, что многие измождали свое тело чрезвычайным постом, бдениями, удалением в пустыню, предавались весьма многим и изнурительным трудам, терпели нищету, питали в сердце своем презрение ко всем мирским благам, так что не заботились о приобретении для себя даже дневного пропитания, и все, что только имели, раздавали бедным; однако сии люди после всего этого преклонились ко злу и пали, лишившись всех оных добродетелей, сделались непотребными. Причиной же столь жалкого их состояния было не что иное, как то, что они не имели добродетели самоиспытания и благоразумия и в подвигах своих не пользовались пособием сих добродетелей. Ибо поистине сии добродетели научают и побуждают человека шествовать путем правым и вместе уклоняться от пути гибельного. Так, если мы будем идти сим царским путем, то злые наветники, с одной стороны, не будут в состоянии увлечь и обольстить нас посредством излишнего воздержания, а с другой — не возмогут совратить нас и на неправую сторону посредством беспечности, лени и расслабления. Самоиспытание и благоразумие есть око и светильник для души, как глаз есть светильник тела. А если око светло, то и все тело светло будет; если же око темно, то и все тело темно будет, как сказал Сам Господь в Евангелии (Мф. VI, 22-23).

Писание называет самоиспытание советом и предписывает нам, чтобы мы ничего не делали без совета, даже не позволяет нам без совета пить духовного вина, веселящего сердце человека, ибо говорит: *Без совета ничесоже твори* (Сир. XXXII, 21). То же Писание внушает нам: *яко же град стенами разорен не огражден*, в который всякий, кто хочет, может входить и расхищать сокровища его: *тако муж: творяй что без совета* (Прит. XXV, 28).

При таком мудром правиле в поступках своих подвижники Христовы получали самые спасительные плоды от подвигов и трудов своих и достигали великого совершенства в духовной жизни.

Смысл и значение аскетизма

Столпники и отшельники, жизнь и подвиги которых мы только что рассмотрели, имели великое значение для современного им общества. Они разливали вокруг себя силу и жизненность христианских начал, возбуждали своим примером в среде людей, их окружающих, ревность к духовным подвигам, удостаивались за святость жизни благодатных дарований и знамений и становились учителями, руководителями и благодетелями народов. Отличительной чертой этих великих деятелей был дух аскетизма или христианского подвижничества. Против аскетизма в настоящее время много распространено предубеждений. Его называют направлением, противным человеческой природе и вредным для жизни общественной. Почему же Церковь так высоко чтит подвижников, приписывает им такие великие заслуги и возлагает на них такие светлые надежды? Раскроем истинный смысл и значение аскетизма в противоположность современной, враждебной ему науке и господствующему направлению жизни в современном мире.

Аскетизм есть добровольное ограничение себя в удовлетворении естественных потребностей, отречение от дозволенных удовольствий и иногда обречение тела на лишения и страдания для духовных целей. Это начало нравственности, противоположное современному представлению, которое говорит: «Природа твоя одна может предписывать тебе законы: делай все, чего она требует и к чему влечет тебя». Христианские подвижники знают, что такое природа и в какой степени обязательны для человека ее законы. Они признают ее созданием Божиим, и законы ее — законами божественными. Зачем же они идут против природы? Они идут не против природы, а против расстройств в своей собственной природе, и особенно — против развращенной воли человека, неспособной держать его при удовлетворении потребностей в пределах, предписываемых природой. Прежде, нежели человек стал грешником против законов, предписываемых божественным Откровением, он был грешником против природы или против законов, вложенных в нее Творцом. Все в природе имеет нужду в пище для продолжения жизни, но один человек способен обращать питание в наслаждение, доходящее до страсти, и утучнять себя пищей до потери здоровья. Все в природе имеет нужду в питии, но один человек находит наслаждение в таких видах и в таком количестве пития, которые лишают его самосознания и самообладания. Все в природе имеет нужду в отдыхе и сне, но один человек может просыпать срок, назначенный для деятельности, и обращать сон в негу, расстраивающую правильность кровообращения и законную деятельность телесных органов. Все живущее в природе имеет инстинкт продолжения рода, но один человек обращает этот инстинкт в

источник отвратительных пороков и ужасающих болезней. Все живое любит свободу жизни и движения, но один человек доводит свою свободу до своеволия и буйства, которые плодят такое множество преступлений, что законодатели доселе не придумают достаточных мер и законов для их предупреждения и прекращения. Всякое создание Божие в природе в часы свободы и благоденствия радуется от играющего в нем чувства жизни, но один человек стремится всю жизнь свою обратить в непрерывный праздник, истощается в изобретении удовольствий и в праздности губит или оставляет неразвитыми лучшие свои силы и способности. Итак, чтобы быть только верным природе, человек должен быть аскетом. Это сознавали еще древние языческие философы. Может ли не быть аскетом христианин, желающий воплотить в своей расстроенной природе тот высокий идеал истинно человеческой жизни, который изображен для него в Евангелии.

Мы привыкли присваивать имя аскетов только пустынножителям и инокам, но это несправедливо. Правда, что высшие аскетические подвиги явлены миру в пустынях и иноческих обителях, но аскеты могут быть и всегда были и в среде христианских обществ. По обету или без обета, по одной твердой решимости они предпринимали подвиги ограничения себя в удовлетворении естественных потребностей и отречения от удовольствий, или так называемого умерщвления плоти, с двойной целью: во-первых, чтоб удалить от себя соблазны ко греху и в своей плоти иссушить почву, на которой может возникнуть и разрастись нечистое семя греха; во-вторых, чтобы приобрести больше свободы и силы для исполнения воли Божией и служения Христу. Если вам скажут, что можно быть истинным христианином, не подвергая себя особым трудам и лишениям, не верьте. Слово Божие и опыт говорят противное. Предвидя такие ошибочные мнения своих последователей, Господь сказал, что нельзя с одинаковой ревностью служить двум господам, Богу и богатству (Мф. VI, 24) или миру; и апостол Павел решительно объявил, что в настоящем состоянии человека совершенное равновесие между духом и плотью невозможно; что всякая уступка плоти сопровождается вредом для духа, и все делаемое в пользу духа сопровождается тягостью и стеснением для плоти (Гал. V, 17). Победа останется на той стороне, куда склонится своей любовью сердце и своим тяготением и стремлением воля человека. В христианской жизни ничего не делается без важной причины и достойной цели. Если безцельным и напрасным самоискажением представляются многим из современных мыслителей аскетические подвиги, то это потому, что они не потрудились вникнуть в их истинное значение. Аскет ест и спит мало, чтобы не дать отучнеть и отяжелеть своему телу и не развести в нем гнезда ревности и сладострастия, чтобы не сделать из него гнилого болота, из которого непрерывно поднимаются в область духа вредные испарения праздных и нечистых мечтаний и вожделений.

Суровую пищу он предпочитает роскошной и лакомой, потому что при употреблении первой легче соблюсти строгое воздержание. Он остерегается вина, потому что оно производит волнение крови, пробуждающее страсти, и излишней веселости, чрезмерно развязывающей язык. Он остерегается быть в обществе лиц другого пола, особенно отличающихся красотой и свободой обращения, потому что в таком обществе трудно сохраняется внутренняя чистота и целомудрие. Он избегает зрелищ, игр, праздных бесед и других развлечений, потому что они прерывают строгое настроение его ума, расслабляют дух, наполняют воображение образами и воспоминаниями, по меньшей мере пустыми, которые человеку, духовно настроенному, носить с собою тягостно и неприятно. Он отрекается от имений, от законного супружества, чтобы житейские заботы не лишили его свободы в служении Богу.

Нам скажут: «Все это еще понятно, но зачем эти власяницы и вериги, эти келий, в которых нельзя ни встать, ни разогнуться? Зачем эти столпы и многолетнее стояние на них? Зачем жизнь под открытым небом, лежание на голой земле, питание травой и кореньями? Зачем эти непрестанные коленопреклонения и денно-нощные пения и молитвословия?..»

Сильные духовные болезни, и особенно застарелые, по выражению отцов, врачуются сильными средствами. Мудрено ли, что ревнители духовной чистоты и после многих усилий в борьбе со страстями были оскорбляемы в совести возникающими из глубины сердца приращениями греха и чувством боли и страданиями отвлекали от них свое сознание. Тем более это уместно в начале огненной борьбы разгоревшегося духа с застарелым греховным навыком, так как по званию благодати выходили на это поприще сильные души из всякой глубины нравственного растления. Только тот, кто не принимался за борьбу с застарелыми греховными навыками, не знает, чего борьба эта стоит. Далее подвижники, по учению апостола Павла, переносили свою борьбу со злом из области плоти и крови в невидимую область самих виновников греха - духов злобы: кто же может объяснить, на какие хитрости и нападения невидимых врагов они отвечали своими подвигами, видимыми только с внешней стороны? Наконец, если для них действием благодати, хотя вдали, хотя по временам, открывался светлый горизонт вечной и блаженной жизни, могли ли они не усиливать своих подвигов, чтобы приблизиться духом к вожденной цели. Впрочем, святой апостол Павел в этих случаях полагает предел нашей пытливости одним замечанием: «Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. XI, 15).

Высшие аскетические подвиги — дело свободных избранников; но аскетизм, как нравственное начало доступен, как мы сказали, для всех, и самой Церковью в ее учении и учреждениях с великой мудростью

предлагается каждому православному христианину в меру его сил и духовного возраста. Прививаемый к жизни христиан, живущих в обществе, он скоро обнаруживает не только на духовную жизнь, но и на жизнь общественную и народную благотворнейшее влияние, которого не имеет и которому может только вредить безусловное последование природе.

Прежде всего аскетизм дает свободу духу для высших упражнений посредством постепенного отречения от лишних телесных привычек и чувственных наслаждений. Наша чувственность требовательна. Она именно становится господином духа, если дух не господствует над ней. Она, во-первых, отнимает у него время до такой степени, что он, как крепостной раб безчеловечного господина, не найдет свободного часа, чтобы поработать на себя, для своего собственного развития. Он удлиняет сон, одеванье, убиранье, завтраки, обеды; учащает выезды и приемы, умножает до бесконечности развлечения и наслаждения вкуса, зрения, слуха; изобретает разные игры и забавы, продолжающиеся многие часы дня, а иногда и целые ночи. «Некогда!» — вот ответ, который достается на долю духа от человека, поработанного чувственностью, когда голос религии или совести призывает его к размышлению о себе, к молитве или другим духовным упражнениям. Не сдерживаемая чувственность присвоит себе все силы духа и тела и поедает весь труд их. Богатые озабочены поддержанием своей внешней жизни в том высоком строе и изысканном порядке, какие установила современная роскошь, а бедные — добыванием средств на удовлетворение потребностей, год от году умножающихся. Многие, о чем не имели понятия отцы наши, ныне обращено в потребность. Удобства жизни умножаются, а бедный человек должен убиваться в неусыпном труде, чтоб иметь эти удобства. Так явился способ умирать от изнурения, гоняясь за удобствами жизни. Чувственность самому духовному или душевному труду сообщает особенный, земной, плотский характер. В наше время наука поработана интересам чувственности. Философия работает, чтоб оправдать и представить законными ее излишние притязания; естествознание — чтобы дать ей новые удобства, искусства — новые наслаждения. Какой благодетельный переворот совершил бы в этом направлении общества христианский аскетизм, уменьшая потребности, упрощая жизнь, изгоняя лишние наслаждения! Думают, что он не отдаст справедливости современным улучшениям в общежитии, сделает жизнь неопрятной, возвратит прежнюю грубость нравов. Напрасно. Он сохранит все требуемое существенной пользой и нравственным приличием. Он отвергнет только лишнее, бездельное, прихотливое, и тем даст первые опыты перевеса духа над плотью.

Как в основании аскетизма лежит самоотвержение и великодушие, так, напротив, в основании чувственного направления — эгоизм и самоугождение; не развлекаемый и не озабочиваемый множеством теле-

сных нужд, наслаждений, аскет свободным умом как легко устремляется в высшую область духа, так же легко объемлет и высшие вопросы общественной жизни. Честь и безопасность отечества, нужды бедных классов населения, общественные пороки и злоупотребления, заботы правительства он ближе принимает к сердцу, чем вялый, сонливый и изнуренный наслаждениями сластолюбец. Зная по опыту, как трудно отказывать себе и переносить лишения, аскет живо сочувствует страданиям бедных, тогда как пресыщенный всеми благами жизни только удивляется, откуда берется такое множество бедных, и досадует на то, что они так неотступно просят. У аскета и из небольшого дохода довольно остается для нищих, у прихотливого и из большого уделить нечего. Чтобы он подвигался на дело человеколюбия, для него нужно было изобрести увеселительную благотворительность. Мы не можем забыть рассказа одного почтенного отца семейства (уже покойного), пришедшего к нам прямо от старшего сына, к которому он ходил просить помощи. «Ты знаешь, говорил он сыну, — сколько вас у меня, и как я тружусь для вашего воспитания. Теперь я выбился из сил, мне не на что купить для семейства дневного пропитания. Теперь ты занимаешь хорошее место; помоги мне. Найду работу, я поправлюсь».

«Помилуйте, батюшка, — отвечал сын, — я еще только начинаю жить. Видите, у меня нет в квартире приличной мебели; я человек образованный, должен за всем следить, мне нужно иметь газеты и журналы, мне надобно хотя раз или два в неделю быть в опере... Извините, я не могу помогать вам». Крупные слезы катились по лицу отца, когда он говорил это.

Современные ученые попечители о страждущем человечестве чего не предлагают для облегчения его нужд? И насильственное отобрание имений у богатых для равномерного раздела их между бедными, с снисходительным оставлением такой же части и постоянным их владельцам, и приостановление законных брачных союзов между недостаточными людьми, и умерщвление новорожденных детей у многосемейных родителей, и убиение медицинскими средствами страждущих больных, когда наука признает их болезни неизлечимыми и т.п.! Только любезной им роскоши коснуться не хотят, между тем как в уничтожении ее только и есть законный и обильный источник благотворительности.

Аскетизм, как проявление нравственной силы, обличает примером подвижников человеческие слабости и малодушие, а в высоких достоинствах их открывает высшие стороны человеческой природы и возбуждает соревнование и подражание, между тем как роскошная жизнь только порождает зависть, жалобы на мнимую несправедливость судьбы и поощряет преступные желания и покушения. Отчего ныне

всякая услуга ждет вознаграждения, всякий талант оценивается на деньги? Оттого, что страсть к наслаждениям заранее рассчитывает на деньги, ожидаемые за услугу или за произведение таланта. Отчего умножаются обманы, похищения казенных имуществ, грабежи и убийства даже между людьми, имеющими притязания на образованность? От желания быстрого обогащения, которое обещает привольную жизнь. Отчего эти жалкие самоубийства полуобразованных молодых людей? От недостатка в них выдержки при воспитании, от непривычки к лишениям, от несбывшихся преувеличенных надежд и ожиданий, от страха встретиться с трудовой жизнью, которая представляется слабодушным и испорченным юношам ужаснее насильственной смерти и мрачной вечности.

Нет сомнения, что несколько истинных аскетов в состоянии освежить и обновить умственную и нравственную жизнь многих испорченных людей, и умножение их надобно почитать притоком нравственной силы, которая дает великих деятелей во всех отраслях жизни, способных восстанавливать целые народы. Но, как мы видели, по учению откровения, корни, дающие жизнь самим этим цветущим духовным отраслям, лежат глубже в силе Божией. Не только отдельные народы, но и все человечество в слове Божиим представляется материалом, из которого Господь избирает годное для царствия Божия. Как золотопромышленник разрабатывает месторождение золота, доколе находит в нем драгоценный металл, так и Господь щадит народы, доколе находит в них души, способные к духовному воспитанию под руководством благодати и к наследию царствия Божия. Так Он сказал Аврааму, что ради десяти праведников Он пощадил бы несколько беззаконных городов. Так Он утешал пророка Илию, уже оплакивавшего гибель народа израильского, откровением, что есть еще в Израиле семь тысяч человек, не приклонивших колена Ваалу. Напротив, — продолжим сравнение, — как золотопромышленник оставляет землю, в которой не находит более золотой россыпи, и переносит в другое место свое заведение, так и Господь оставляет нравственно опустевший народ и переносит в другие страны Свою Церковь, как Он говорил иудеям, что отымет от них царствие Божие и передаст другим, способным приносить добрые плоды, что виноград предаст иным делателям. Господь терпит еще народ, если предвидит его обращение, как щадит доселе народ израильский; но если этого не предвидит, стирает его с лица земли. Так Господь погубил весь допотопный мир, потому что он утратил все духовные силы, к которым могли бы привиться действия благодати. «Не имать дух Мой пребывати в человецех сих во век, - сказал Господь о предпотопных людях, — зане суть плоть» (Быт. VI, 3). Это оплотенение, это погружение людей в чувственность будет причиной кончины и

настоящего мира. Господь сказал: «Сын человеческий пришел обрящет ли веру на земли?» (Лк. XVIII, 8).*

* С. В. Булгаков. Образцы святоотеческой и русской проповеди

О пользе чтения житий святых

*Желаем, да не лениви будете, но
подражатели наследствующих
обетования верою и долготерпением
(Евр. VI, 12).*

В древности на жизнь праведников и великие мудрецы смотрели как на лучезарное светило, которое может предохранить всякого от уклонения с пути добродетели. «Пути праведных, — говорит Соломон, — подобно свету светятся, предходят и просвещают, дондеже исправится день». В Новом Завете яснее раскрыто нравственное учение, данное Моисеем, и утверждено высочайшим примером нашего Искупителя и Господа; но при всем этом чрез святых апостолов дана заповедь о подражании праведникам, стяжавшим Царствие Небесное верою и долготерпением, также о подражании вере скончавшихся святых наставников. Первенствующие христиане с полной ревностью исполняли эту заповедь: в самые тяжкие времена гонений пример пастырей Церкви и первых мучеников возбуждал тысячи христиан всякого звания, пола и возраста к мужественному исповеданию веры Христовой пред самыми жестокими мучителями. С этой целью при совершении памяти этих страдальцев в церковных собраниях читались записки о страдальческой кончине мучеников и о чудесах, совершавшихся при мощах их. По прекращении гонений пример мучеников подкреплен был еще примером подвижников, проводивших жизнь в мирном уединении. Те из ревнителей благочестия, которые заботились облегчить и для других спасительное дело подражания святым, с особенной тщательностью собирали сказания о жизни святых, предавали их письменности, и так составились, по превосходному выражению одного учителя Церкви, врачебно-вспомогательные средства против забвения добрых примеров: различные Патерики, Лавсаик, История Боголюбцев и отдельные жития многих святых. Великое уважение, с каким приняты были эти писания в древней Церкви, ясно показывает, что немало было лиц, которых эти сказания руководили и утверждали на пути благочестия. Благодать Божия во святых проявлялась в таких высоких и разнообразных подвигах, сообщала им такое величие, так возвышала и укрепляла их естественные силы, озаряла их таким светом, что даже и краткие, но верные сказания об их жизни не могут не возбуждать к более точному исполнению обязанностей всякого, кто только умеет ценить высокие нравственные подвиги. Повествования о святых, взятые в их целостности, обилуют самыми разнообразными наставлениями, применительно к различным обстоятельствам и состояниям нравственной жизни; поэтому это как бы открытое училище, в котором всегда можно найти полезное

вразумление и наставление при всяком случае жизни, при всякой нравственной нужде. Благодетельность таких повествований на душу очень ясно живописует преподобный Исаак Сирин, когда сравнивает их с орошением для растений. «Сказания о праведных, - говорит он, — так же вожделенны слуху кротких, как постоянное орошение недавно насажденному растению. Растение без своевременного орошения обыкновенно засыхает и, потеряв листья, в ряду других цветущих растений тяжело поражает взор своим безобразием; но когда чрез коренья мало-помалу напитается влагой, вновь возвращается к жизни и начинает утешать если не плодами, то свежестью зеленеющих своих листьев. Нечто подобное этому бывает и с человеком. Привычка к греховным действиям при равнодушии к делу спасения доводит его часто до жалкого безобразия; но несколько примеров нравственного исправления, рассказанных ему в минуты душевной тревоги и безпокойства, несколько образцов духовного совершенства, вспомнутых в подобном состоянии чтением или размышлением о жизни святых угодников Божиих, подобно орошению водой дают другое настроение его расположением; он заботливее соображается в своих действиях с требованиями нравственного закона и мало-помалу восстанавливает в себе красоту образа Божия. Таким образом, сказания о праведниках поистине действуют на душу, как орошение на растение; они поддерживают и усиливают в ней те желания, чувства и мысли, которые составляют истинную жизнь богоподобной души, и без которых невозможны для нее ни радость, ни мир о Дусе Святе. Но еще благотворнее действуют сказания о жизни святых на душу, если человек уже вкусил, яко благ Господь, и испытал чувства довольства и радости, порождаемые действиями истинной любви к Богу. Тогда, возбуждая соревнование к самым высоким добродетелям святых угодников Божиих, они так же возгревают пламень любви божественной в сердце, как тихое веяние воздуха при соприкосновении с горящим углем воспламеняет огонь в кадилнице. Поэтому и святой Златоуст говорит: «Когда кто живет духовно, тогда его свойства, слова и дела полезно знать чадам Церкви; ибо если, видя неодоушевленные места, где сидели и были связаны святые апостолы, мы уносимся умом и сердцем к их добродетелям, ободряемся и делаемся живее, то, если услышим их слова и дела, гораздо больше можем иметь усердия к подражанию их действиям (1 б. на Поел, к Филим.). Так, в каком бы нравственном состоянии мы ни находились, сказание о жизни святых Божиих может ослабить узы пристрастий наших к земному и чувственному, разоблачить суетность и пустоту наслаждений праздности без труда для блага общего, возбудить сознание о пагубных действиях духовного усыпления и нерадения, а затем мало-помалу окрылить наш дух для молитвенного возношения к Богу и для искания горних благ Царства Небесного.

К сожалению, с распространением светского образования ревность к чтению житий святых заметно охладевает в нашем обществе, а вместе с этим оскудевает и ревность к подражанию святым. Между нами немало таких, которые не знают ничего о жизни даже тех святых, которых имена носят со дня своего рождения. Знают ли многие хотя бы то, что сообщается в церковных службах, когда восхваляются и прославляются здесь в общих выражениях более высокие их подвиги и чудеса? Должно признаться, что многие не радеют приобрести сведения о жизни и тех святых, которые совершали свое земное служение и святыми мощами почивают в одних с нами городах и селениях. Спросите, например, многих жителей Москвы, что знают о жизни почивающих здесь Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, как располагали они свою жизнь и как служили спасению других, чем возгревали свою ревность о благочестии, как готовились к своему высокому служению в лета юности, и от многих не услышите удовлетворительного ответа. Как же ожидать от них подражания этим наставникам? Без знания житий святых даже церковные песнопения, содержащие в себе указания на их подвиги и деяния, не могут производить полного благотворного действия на нашу душу. Так крайняя скудость сведений о жизни святых, которую не хотят восполнить чтением предлагаемых Церковью писаний о сем, это одна из главных причин оскудения ревности к подражанию святым Божиим.

Но многие и знают или, по крайней мере, читают жития святых, но не отличаются соревнованием их добродетелям. Что же в них охлаждает ревность к подражанию святым? Одних удерживает от сего святого дела малодушное представление о чрезвычайной трудности подражания им, других — дерзостная надежда на возможность нравственного преспеяния без подражания древнему благочестию как несовместному с духом новейшего времени. Есть ли что-либо основательное в таком образе мыслей? Малодушие, уклоняющееся от подражания святым только по причине трудности, явно недостойно христианина, призванного к святости: яко свят Господь Бог наш. Для вразумления и успокоения таких достаточно напоминания о том, что благодать Божия никогда не оставляет своей помощью тех ревнителей благочестия, которые искренно признают свои немощи и просят о высшей помощи. Если же кто жалуется на трудность подражания святым, не пытавшись взойти и на первые ступени духовного совершенства, с которых начинал свое нравственное преспеяние каждый святой, то таковой сам обличает себя в лености и в равнодушии ко всему закону Божию.

Но не менее достойно осуждения отречение от подражания святым по неприменимости, будто бы, древнего благочестия к нашему времени. Неоспоримо, что не все сохранившееся до нас в сказаниях о жизни и деяниях святых должно служить для нас примером подражания, но

главные требования евангельского закона для всех времен одинаковы, и посему все то, что одобрялось и сохранялось, как согласное с учением Христовым в первенствующей Церкви, должно быть предметом попечения и в наше время. Очевидно наставление, что при сомнении в том, позволительно ли какое-либо действие, не указанное ясно в законе, ответ можно искать в жизни святых, которые известны своей ревностью о точном соблюдении закона Божия не только по букве, но и по духу его. Случается слышать смелые суждения о неприменимости жизни древних мучеников и подвижников к нашему времени. Но отличите жестокие мучения, на которые обрекали мучеников и исповедников их древние гонители, от мужества и неустранимости, которые воодушевляли их к терпению, и ту твердость убеждения, с какой мученики и исповедники защищали истины христианского учения пред язычниками, иудеями, магометанами, еретиками, особенно иконоборцами, и тогда ясно откроется, чему можно подражать. Не преследует ли и теперь боговраждебный мир стрелами острых насмешек и колких порицаний ревнителей благочестия и за соблюдение тех святых обычаев, которые как нельзя более соответствуют духу учения Христова, но не нравятся современной образованности (например, обычай совершать краткую молитву при входе в чужой дом и украшать дом святыми иконами), и за отступление от правил светскости, которые не представляют никакой пищи для нравственного чувства и которые, напротив, ведут к ослаблению добрых нравов.

Вооружитесь же мужественно против таких насмешек и порицаний, и вы явитесь подражателями древних мучеников. Вслушайтесь внимательнее в беседы исповедников Христовых с язычниками, иудеями и еретиками, и вы не только яснее поймете многие истины христианского учения, но, сближаясь более и более с мучениками в чувствах святой веры, не уклонитесь по их примеру и от защищения ее пред теми, которые под предлогом свободы совести готовы допустить всякое вольномыслие. Жизнь древних иноков и особенно отшельников представляет, действительно, много особенностей в сравнении с семейной жизнью членов нынешнего гражданского общества, при различных их званиях и положениях; но усиленные заботы иноков о побеждении греховных склонностей, о приобретении общих христианских добродетелей могут ли быть чужды христианину, к какому бы званию ни принадлежал он в гражданском обществе? При изучении жизни древних подвижников можно найти поучительные сказания, как приучали себя они к воздержанию, как отрезали нечистые греховные желания, как укрощали движения гнева, чем охраняли себя от рассеянности мыслей при молитве, чем подкрепляли в себе дух смиренномудрия и кротости. Кто дерзнет сказать, что подобные повествования не содержат в себе

ничего достойного подражания для нынешних христиан, озабоченных делом спасения своей души и нравственным усовершенствованием?

Но в лике святых, прославленных Церковью, есть столпники, отшельники и юродивые. Ужели и им должен подражать всякий христианин? От знакомых с церковными сказаниями о жизни и подвигах сих угодников нельзя ожидать такого вопроса: для них должно быть известно, что юродство и столпничество суть такие чрезвычайные подвиги, на которые и из древних святых обрекали себя немногие, притом по особенному призванию Божию и после решительного удостоверения в благословении Божиим к таким добровольным их страданиям. Во всяком случае нельзя сказать, что эти подвиги имели нравственное значение только в древние времена, а теперь никак не могут быть названы богоугодными действиями. Еще менее можно допустить, чтобы повествования о сих подвижниках не заключали ничего поучительного и достойного подражания для христиан нашего века. Можно ли, например, не почувствовать осуждения за обыкновенную нашу нетерпеливость при неисполнении наших желаний, за малодушие и ропот в болезнях, когда придется услышать о подвигах и добровольных страданиях Симеона Столпника, которые воззвали к покаянию, исправлению жизни и к вере во Христа тысячи заблудших?

Юродство особенно несовместимо с званием начальников и родителей, обязанных служить для других добрым примером; но пренебрежение юродивыми к человеческой славе не может ли быть поучительным и в наше время для всех тех, которые ищут награды за каждое доброе дело, которые сетуют, когда их обходят чинами и почестями, и которые любят разглашать о своих заслугах и подвигах с явным забвением о заповеди Спасителя совершать дела благочестия втайне и без расчетов на человеческое воздаяние? Так, боголюбезный читатель, в жизни каждого святого всякий верующий может найти много поучительного и наставительного. Кроме пути веры, любви и самоотвержения, которым шли все святые, другого пути к блаженству нет; итак, кто вздумал бы уверять, что он может указать другой, кратчайший, или не столь тесный и узкий путь, тот в самонадеянности своей только погубил бы себя и других, а не научил бы истинной христианской добродетели. Во времена святого Златоуста нечестие прикрывали благовидными именами: несправедливость называли мужеством, славолубие — великодушием, расточительность — человеколюбием, дерзость — откровенностью, а скромность, наоборот, необразованностью, кротость, робость и смирение — раболепством и справедливость — слабостью. Но на такой образ мыслей святой Златоуст по справедливости указывал, как на крайнюю степень развращения нравов. А кто под разными предлогами будет уклоняться от подражания святым, тот в опасности заблудиться

именно на этом пути нечестия и гибели, ибо, отказываясь подражать святым, такие люди только мечтают об изобретении новых средств к развитию высоких характеров, на самом же деле увлекаются подражанием примерам современной роскоши, моды дерзкого неверия, льстивой любезности в обращении и пристрастия к увеселениям, не имеют перед своими взорами никаких примеров нравственного величия и духовного мужества, и потому недолго остаются при своем равнодушии ко всему святому и к самым главным обязанностям христианским. Правда, для возвышения и облагорожения духа часто обращаются в подобных случаях к произведениям так называемой изящной словесности, которые читаются легко и не требуют напряженного размышления, но при сем чтении приучаются прежде всего к легкомыслию, ослабляют память, делаются неспособными судить о предметах с надлежащей основательностью и вместо того, чтобы узнать отсюда, как постепенно развиваются высокие и благородные характеры, мало-помалу усваивают себе такие чувства и расположения, от которых еще более ослабляются нравственные силы, или, увлекаясь живостью рассказа, забывают, что многие писатели сами не имеют твердых и чистых нравственных убеждений.

Так, слишком неосновательны предлоги, по которым мечтают уволить себя от подражания святым, и не усомнимся сказать, что и при малодушии и при самонадеянности ревность святым ослабляется главным образом от назначения богоугодной их жизни. Приложим посему усердие к приобретению более полных и основательных сведений о святых угодниках Божиих. В древности жизнь и подвиги их, по свидетельству Златоуста, были предметом обыкновенных домашних разговоров, особенно по выходе из церкви во дни, посвященные памяти святых; об этом же за лучшее почитали говорить и при посещении посторонних лиц. Так, некогда посетил святого Василия Ефрем Сирин. О чем, думаете, беседовали святые при первой встрече между собою? Предложив скромную трапезу, архиепископ Кесарийский рассуждал со своим посетителем о том, какими добрыми делами можно умиловать Господа, как приобрести апостольские добродетели; затем рассказал ему о мученичестве сорока Севастийских мучеников и поведал все прочее об их благочестии. Что, если бы и в наше время при взаимных посещениях, вместо толков о погоде, об увеселениях, прошедших и приготавливаемых, о приключениях с знакомыми и соседями, почаще беседовали о жизни воспоминаемых Церковью святых, или тех, которых каждый из нас носит имена от рождения, или тех, которые ближе к нам по месту своих земных подвигов и по особенной нашей к ним вере? Как многое к лучшему изменилось бы в нашей жизни!

Лучший образец того, как сведения о жизни святых можем мы прилагать к своей жизни, святой Афанасий Александрийский указывает в сказании об Антонии Великом. Собирая сведения о рачителях добродетели, Антоний, по словам святого Афанасия, в каждом из них изучал, в чем преимуществовал он пред другими: в одном наблюдал его приветливость, в другом — неутомимость в молитвах, в одном замечал безгневие его, в другом — человеколюбие, в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом — на его любовь к учению, кому удивлялся за его терпение, кому — за посты, и так, сочетая воедино, что заимствовал у других, старался в себе одном явить преимущества всех.

Содержание

Столпники и отшельники	2
Вместо предисловия.....	4
Столпники.....	8
Преподобный Симеон Столпник	9
Поучение преподобного Симеона Столпника о приготовлении к смертному часу	15
Преподобный Даниил Столпник.....	17
Преподобный Симеон столпник, Дивногорец	22
Преподобный Алипий столпник.....	31
Преподобный Феодосии столпник	33
Преподобный Никита столпник, Переяславльский чудотворец	35
Отшельники.....	40
Преподобный Павел Фивейский.....	41
Преподобный Антоний	42
Преподобный Онуфрий Великий	53
Преподобный Марк Афинский	57
Преподобный Петр Афонский	59
О подвигах пустынножителей	68
Смысл и значение аскетизма	77
О пользе чтения житий святых	84